

Ксения Каретникова

ПОСРЕДНИК
ЖЕСТОКОСТИ

ИЛИ

СКВОЗЬ ЧУЖИЕ ДУШИ

Есть люди, которые способны на то, что находится за гранью понимания среднестатистического человека. Но каково им живется, особенно помогая другим? Какого это — быть посредником? Проходя вместе с незнакомым человеком девять кругов ада, видя и чувствуя все то, что испытывает другой, не просто находясь лицом к лицу со смертью, а неся ее... Может не зря говорят: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». В добром порыве оказания помощи одним, люди, обладающие необъяснимыми возможностями, способны сами оказаться на грани... На грани жестокости... И что остается? Посмотреть сквозь души...

Посредник жестокости или сквозь чужие души

A tave myliu...

A tave noriu...

A tave užmuti!

(литовский:

Я тебя люблю...

Я тебя хочу...

Я тебя убью!)

...Сердце бешено колотится в груди... Но не от страха. От удовольствия... От перевозбужденного удовольствия, похожего на оргазм. Начинаясь с бури волноподобных эмоций, перетекающих в импульсивный взрыв! На бьющийся под кожей сладкий миг, который старательно растягиваешь, чтобы прочувствовать его как можно дольше... Такое хочется ощущать снова и снова. Вновь и вновь. И каждый раз, как в первый. Неповторимо. Особенно... Незабываемо.

Руки дрожат. От бывшего напряжения... Все мышцы словно одеревенели. Ноги почти не слушаются. Но идут... Идут. Медленно, даже осторожно. Боясь упасть, уронить скованное тело. Глаза плохо видят — капли пота, стекающего со лба, мешают видеть. Но вытереть их нет сил. Силы остались на последнее... На желанное. На то, ради чего все и происходило...

Что-то мелькнуло справа. Тело замерло на месте, плавно поворачивая голову... Что это? Кто это?... Величественное, всемогущее существо, подобное Богу! Ведь Бог дает нам жизнь, наполняя такие пустые сосуды, как наши тела, наичистейшей душой! Бог есть Творец! Но есть и другие... Другой! Губитель! Но губитель не бессмертных душ, а бранных, дряхлеющих со временем тел... Он — помощник Всевышнего. И сейчас он передо мной — смотрит на меня через отражение заляпанного кровью зеркала... Сколько крови вокруг! И как со временем красиво меняется ее цвет — от сочно алого до грязно коричневого... Нет! Кровь, выпущенная из страдающей оболочки, приносящая долгожданное, вечное спокойствие, не может быть грязной! Она чистая! И она такая... такая вкусная! Иногда сладкая, иногда соленоватая, но всегда с таким опьяняющим металлическим привкусом... Она — там! Она уже ждет, когда ее испробуют. Вкусят. Когда наполнят ею все вокруг!.. А особенно, пересохшее горло...

Но зеркало, а точнее его отражение, долго не отпускает... Эх, каков! Хорош! Могущественен! Непобедим! Великолепен! Глаза старательно бегают по отражающей поверхности, запоминая свой же собственный взгляд... Безумный. Уставший...

Тело дернулось. Шагнуло вперед... Веки прикрыли горящие безрассудством глаза, сильно зажмурились от предвкушения... А ноги, между тем, продолжали идти... Еще чуть-чуть. Совсем немного. Увидеть, запомнить. Навечно, до мельчайших деталей, запечатлеть все в памяти. Чтобы потом все в точности повторить...

Ну вот и пришли... Глубоко вдохнули спертый запах, заполняя дурманящим воздухом легкие... Божественный аромат! Запах крови, перемешанный с запахом страха еще живого тела... Оно боится уже рефлекторно, на последнем издыхании... Инстинкт самосохранения — самый сильный инстинкт. Но и он сейчас подсказывает временному сосуду этой души, что быстрое избавление от мешающей оболочки — самый безболезненный на пути к вечности вариант.

— Потерпи... Осталось совсем немного... — с предыханием раздался низкий, мужской голос. Голос Губителя. Голос Помощника. И веки плавно начали подниматься. Открывая вид на то, что находилось в этом помещении: большой деревянный стол на изогнутых ножках, стоящий у плотно зашторенного окна. А на столе... Тело. Привязанное к ножками стола, обнаженное, женское тело. Неопределенного возраста: истощенное, да и к тому же с головы до ног покрытое продольными порезами, из которых все еще сочилась кровь... Грудь, с так символично лежавшим на ней медальоном в форме ангела, приподнималась от редких вздохов, пересохшие, искусанные губы плотно сомкнуты, а глаза широко раскрыты, но совершенно безжизненны. Стеклообразные глаза. Пустые... Обреченные.

— Славная моя, хорошая... — приближаясь к столу заговорил Губитель. — Ты когда-нибудь слышала, что только души покинувшие свои тела в жестоких муках, становятся вечными спутниками Всевышнего — его личными ангелами? — обездвиженное тело на столе вздрогнуло. Губитель со странной нежностью погладил его рукой, пачкая ладонь свежей кровью. Потом поднес окровавленную руку к лицу и с нескрываемым удовольствием облизнул длинные пальцы... — Ты должна быть счастлива — он выбрал тебя. Он указал мне на тебя... И я пришел за тобой, чтобы пополнить свиту Творца одной из самых чистых душ... Потерпи, скоро ты окажешься в Царствие Небесном и будешь вкушать всю прелесть, будучи избранной. Будучи бессмертной. Навечно!

Пустые глаза безразлично посмотрели на Губителя, а потом закрылись. Избранная душа была согласна. Она, и ее тело, устали от долгих мук... Она уже потеряла счет времени — сколько дней, ночей, недель она здесь? В голове — туман, в теле странная легкость... Да даже и легкость, а ощущение того, что это тело — чужое, не твое... И оно тебе не нужно.

Между тем Губитель достал что-то из кармана. Большие портные ножницы.

— Сейчас я буду тебя кроить... Постараюсь сделать это быстро...

Глаза обреченного тела резко открылись и уставились в лицо своего мучителя... Эх, как жаль, не было в них того наивкуснейшего ужаса, который так любит Всемогущий Губитель... Он уже максимально эмоционально осушил это тело, нет больше ничего, что оно может дать... Значит, действительно, пора... Пора отправить душу ее заказчику... Правая ладонь, с уже подсыхающей на ней кровью, сильно перехватила ножницы ровно посередине и, вкладывая остатки сил, замахнулась... Не глядя куда именно, стремительно опустилась, и острые лезвия ножниц беспрепятственно вонзились в обмякшее тело, которое тут же содрогнулось... Выпуская душу. Независимую, чистую, поистине Освобожденную... Достав рывком воткнутые ножницы, Губитель раскрыл их и с особой любовью и трепетом принялся осуществлять обещанное — кроить бессмысленное, пустое тело...

— Все! — не выдержала я, резко отшвырнув медальон, и открывая глаза. Из них тут же потекли горячие слезы. Я проморгалась, вытерла руками мокрые щеки и, отодвинув стеклянный шар, посмотрела на свои трясущиеся ладони.

— Ты как? — спросил у меня Костя, делая шаг и протягивая руку, чтобы коснуться плеча, но так почему-то не решился. Опустил руку и шагнул обратно.

— Ничего. Как обычно. — ответила я пересохшими губами.

— Точно? — заботливо поинтересовался Александр Семенович. Я кивнула. — Может — воды? — я покачала головой, а Александр Семенович тяжело вздохнул и поднялся со стула. Прошелся по кабинету, замер на секунду у мертвецки бледной женщины, сидящей на стуле у двери, и вдруг наклонился, поднимая с пола брошенный мной медальон. Тот самый, в виде ангела. Повертев медальон в руках, майор протянул его женщине:

— Сочувствую. — произнес он. Женщина, чье имя я напрочь забыла, ошарашенно кивнула и забрала из рук Александра Семеновича вычурную вещицу. Потом майор повернулся ко мне и осторожно спросил:

— Смогла разглядеть Губителя?

— Да.

— Костя, покажи ей фотографии. — приказным тоном сказал Александр Семенович. Его подчиненный кивнул, открыл папку, лежавшую на столе по соседству с моим шаром, и положил передо мной несколько фотографий. Я поочередно и внимательно рассмотрела лица, запечатленные на фото. Смотреть в эти физиономии мне, мягко говоря, было неприятно. От них от всех исходила отрицательная энергетика и жестокая агрессия. А еще я продолжала чувствовать тошнотворный запах крови и даже ощущать ее привкус на губах... Ох, ну и тяжело сегодня прошел сеанс. Хотя, каждый раз, я испытываю примерно тоже самое

— Он. — громко сказала я, ткнув пальцем в жуткую, перекошенную морду с приоткрытым ртом, ведь именно его лицо я видела в отражении зеркала в своем видении.

— Так и знал — Портной. — посмотрев на стол, произнес Александр Семенович. — Спасибо, Йоланта Андриусовна, — майор вскользь улыбнулся краешком губ. — Костя проводит вас в мой кабинет, пока мы будем подготавливать бумаги. Вам нужно будет расписаться.

— Как скажете, Александр Семенович. — с кивком ответила я, поднимаясь из-за стола. Сняла со спинки соседнего стула свою объемную сумку и аккуратно убрала туда стеклянный шар. Потом шагнула в сторону двери, но сделав буквально пару шагов, мои ноги вдруг подкосились и я бы точно плюхнулась на пол, если бы не Костя, который вовремя подхватили меня под руку. Держась за его руку, я выпрямилась и опираясь на сильного и молодого капитана, покинула уже успевшую мне стать почти родной, допросную.

Костя довел меня до кабинета своего начальника и заботливо усадил на кожаный диван.

— Чаю? — предложил он.

— А что-нибудь покрепче есть?

— Кофе. — пожал плечами Костя.

— Давай кофе. — махнула я рукой и капитан тут же засуетился по кабинету. Заварив две чашки, он сел рядом со мной, пододвигая к нам небольшой раскладной столик, на котором он и устроил ароматно дымящиеся чашки с расворимым напитком.

— Слушай, Кость, — обратилась я к нему, делая небольшой глоток. — А Портной потому что он убивал своих жертв ножницами?

Костя кивнул и совершенно спокойно ответил:

— Убивал, а потом кроил. Как портной выкраивает детали одежды.

— Слава Богу, что я прервала сеанс и не досмотрела все до конца. — выдохнула я.

— Тяжело? — спросил вдруг капитан.

— Что?

— Видеть убийство.

— Тяжело. Но тяжелее ощущать все эти жуткие эмоции убийцы. Особенно тогда, когда ты перестанешь понимать, где заканчиваются его эмоции и начинаются твои.

Костя нахмурился, при этом старательно избегая моего взгляда. Тут дверь кабинета резко распахнулась и в помещение бочком вошел его хозяин.

— Ну, Йоланта, ты даешь. Я не перестаю удивляться, — Александр Семенович закрыл

дверь и подошел к диванчику. — Кость, иди, закончи там все. — капитан послушно отставил чашку и поднялся. Молча направился к двери и вышел. Майор устроился на его месте и опять обратился ко мне. — Как ты это делаешь? Мне от озвученного тобой дурно стало, а ты вон, сама говоришь, что в тело злодея переселяешься... — Я покачала головой, не зная что на это ответить... Как я делаю? Вот так — с трудом, не жалея живота своего... — Эх, если бы все мои сотрудники обладали похожим даром, — мечтательно продолжил он, а потом кивая на дверь, тише добавил. — А то вон, видишь, с кем приходится работать, хоть и с исполнительными, но с бесполезными и слабавольными людьми.

Мне захотелось поинтересоваться, кого конкретно имел в виду майор, но не успела, так как он сам, уже привычно обычным тоном, спросил:

— Ладно, расскажи, как там дела у Миколы?

— Отлично. Бизнес процветает, в прямом смысле этого слова.

— Эх, и хорошо и жалко одновременно... Предал он нас, Лана... А ведь был одним из лучших оперов...

Далее я в течении часа слушала уже известные мне истории о боевых подвигах моего брата. За это время мы выпили еще по одной чашке кофе... Потом еще по одной, на этот раз с майорскими печенюшками... И вскоре природа взяла свое — позвала и послала меня по естественной нужде. Уже выходя из уборной, я столкнулась в коридоре с женщиной, которая сегодня присутствовала на моем сеансе.

— Йоланта? — уточнила она, прижимая к груди многоповидавший медальон. А я застыла на месте, со страхом ожидая, что женщина скажет дальше. Ведь на таких, как я, люди реагируют по разному. — Спасибо вам... Теперь убийца моей сестры будет наказан. Вы делаете тяжелое, но нужное дело. Спасибо Господу за ваш дар, — она взяла меня за руку и крепко сжала ладонью мои пальцы. — Дай Бог вам здоровья, и сил, чтобы продолжать помогать людям. — отпустив мою руку, она развернулась и поспешила к лестнице. А полупрозрачная фигура, из ниоткуда появившаяся на ее месте, умиротворенно мне улыбнулась и плавно поплыла в воздухе за своей сестрой...

В отделении я пробыла еще пару часов. Что за это время происходило за дверьми кабинета майора — мне неизвестно. Люди ходили туда-сюда, а я сидела на месте, со скучающим видом юзая в телефоне: разгадала шгук десять кроссвордов sudoku, просмотрела новостную ленту за последнюю неделю в двух соцсетях... И, наконец, мне принесли бумаги, которые я должна была подписать. Что я, собственно, практически не глядя, и сделала. Я просто знала, что с бумагами все в порядке.

— Что ж, пора по домам, — убирая документы в сейф, сказал Александр Семенович. потом покосился на часы, висевшие на стене. — Костя тебя проводит.

Я не стала отказываться от такого предложения, тем более Костя провожал меня уже не в первый раз, ведь нам до наших домов было по пути. Да и сам капитан спорить с начальством не рискнул. И мы, попрощавшись с майором, одновременно покинули его кабинет и направились к лестнице. Спустившись на первый этаж, Костя вдруг остановился и я, посмотрев на капитана, заметила болезненное выражение на его лице.

— Что с тобой? — спросила я.

— Да после того сотрясения, голова частенько болит. Особенно по вечерам.

— После какого сотрясения?

— Помнишь, три месяца назад банду задерживали, ну тех, что на трассе людей грабили и убивали? — спросил Костя, я кивнула, так как действительно участвовала тогда в

опазнании этой банды. Знала, что их задержали, но кто и как именно — была не в курсе. — Ну вот, меня один из них трубой по голове ударил.

— И сильно болит?

— Да не очень, просто часто. — ответил Костя, потирая виски.

— Так обратись к врачу.

— Врач мне еще тогда сказал, что голова может побаливать, что это нормально.

Таблетки прописал, а я их дома вечно забываю.

— Что, сотряс и на память действует? — хохотнула я. Костя пожал плечами, опять потер виски:

— Ладно, пройдет. Пойдем, а то уже поздно.

Мы вышли на улицу. Было уже темно и, на самом деле, довольно поздно. Погода стояла теплая, такая весенняя-весенняя. Природа оживала и радовала нас девственно-зеленой листвой... Но вдруг мое лицо поймало порыв холодного ветерка, и я невольно поежилась. И тут, в мою многострадальную голову начали возвращаться обрывки недавнего страшного видения... Ножницы эти, зеркало с отражением, запахи, вкусы... И деревянный стол с истерзанным женским телом.... Иногда я подолгу отхожу от таких вот сеансов, поэтому и стараюсь проводить их как можно реже. Однако Александр Семенович, пользуясь моей добротой, уж больно часто в последнее время обращается ко мне с различными просьбами. Увы, хоть весна и считается одним из прекрасных времен года, но, говорят, что именно она — самое активное время всех душевнобольных, к коим, безусловно относятся все маньяки и прочие серийные убийцы. А я берусь лишь за те дела, где имеет место быть личная вещь жертвы, которую касался душегубец. Тогда мои способности проявляются лучше, и я начинаю видеть все происходящее глазами злодея...

Я бросила взгляд на сопровождающего меня капитана — Костя шел рядом, но при этом сохраняя между нами небольшую дистанцию. Он, вообще, очень странный экземпляр: не разговорчивый, немного замкнутый, иногда даже какой-то апатичный. Вспышки эмоций включаются в нем только в процессе работы. Да и общаемся мы в основном именно по ней. О личной жизни капитана Константина Смирнова я вообще ничего не знаю.

— Тебя, небось, дома ждет жена? — спросила я.

— Я не женат. — ответил он отстраненно, уставившись себе под ноги.

— А девушка? — не унималась я.

— Не обзавелся. — Он как обычно, старался быть немногословным, но мне безумно хотелось сейчас хоть с кем-то о чем-то поговорить, чтобы просто переключиться и выкинуть из головы то, что я недавно видела, поэтому я продолжила свой допрос:

— Тогда, наверно, родители ждут и переживают?

— Я сирота.

— Детдомовский?

— Нет, меня воспитывал дядя — брат матери. Но и его уже как год нет в живых. Так что я совсем один, вот и пропадаю все время на работе в надежде спрятаться от своего одиночества и от неприятных навязчивых мыслей... — неожиданно выдал он самую длинную за все время нашего общения фразу.

— Сочувствую. — тихо произнесла я, чувствуя себя неудобно. — Тебе нужно создать свою семью, тогда и смысл в жизни поменяется и навязчивые мысли будут уже приятные. — посоветовала я.

— Если бы это было так просто. Мне кажется, что я боюсь женщин. Они меня

предавали... — сказал он и вдруг резко замолчал, опять уставившись на свои ботинки. Он вообще очень редко смотрел в лицо, особенно в глаза, и особенно мне.

— Да? Вот чего-то меня ты не так уж и боишься.

— К тебе я привык. — ответил он тихо.

— И к другим привыкнешь.

— Другие — это другие. Ты... не такая, — он поднял голову, посмотрел вперед и тише добавил. — Точнее — это ты другая, а они посредственные.

— Это комплимент? — не поняла я.

— От меня скорее да, чем нет... — странно ответил он, опять опустил лицо и неожиданно переключил тему нашего разговора. — А тебя дома кто ждет?

— Неа, я живу одна в двухкомнатных апартаментах, не замужем, и парня нет.

— Не поверю, что у такой красивой девушки нет ухажера.

— Ухажеры-то есть, но они, узнав о том что я, как это сейчас модно называется, экстрасенс, тут же технично сваливают.

— Почему?

— Сама долго негодовала, пока один из потенциальных женишков не просветил — как с тобой можно жить, говорит он мне, вот только решишь тебе мысленно изменить, а ты уже в курсе будешь.

— А зачем изменять любимому человеку? — с неподдельным возмущением спросил капитан.

— Это было первое, что я у него спросила.

— И что он ответил?

— Он ответил: ну а вдруг? Знаешь, после такого "а вдруг", я уже и сама не захотела быть с таким человеком.

Костя закивал и призадумался, а потом поинтересовался:

— А ты так можешь?

— Как? — не поняла я.

— Мысли читать?

— Чтение мыслей, тем более на расстоянии, мне не подвластно. Не умею я, не мое это, я вообще не такой уж и разносторонне развитый специалист-экстрасенс. Но разве кому это докажешь? Для всех экстрасенс — существо всесильное и не объяснимое.

Он опять закивал, сунул руки в карманы и спросил:

— А родители твои где?

— В Прибалтике.

— А ты чего здесь? — удивился Костя.

— Родина моя здесь. Моя и брата. Папа хоть и литовец, но прожил в России очень много лет и стал самым настоящим русским.

— А как он попал в Россию?

— Его, еще в советское время, после окончания ВУЗа, отправили служить в армию в наш городок. Когда папе до дембеля оставалось три месяца в их часть устроилась новая медичка. Красивая, молодая, только после распределения. Отец влюбился и решил остаться здесь.

— Этой медичкой была твоя мама? — предположил капитан.

— Этой медичкой была тетя Зоя Карпович, мамина подруга-однокурсница. Которая, как выяснилось позже, была как героиня фильма Интердевочка: днем она честно несла службу

медработника, а по ночам трудилась валютной проституткой. Город у нас хоть и не большой, но исторический — иностранным туристам он всегда был люб, — фыркнула я. — Отец когда узнал, чуть с ума не сошел. Но моя мама сумела его привести в чувство и даже влюбить в себя. Ведь сама в папу она влюбилась с первого взгляда, когда их еще тетя Зоя знакомила. Но свою влюбленность мама никак и ничем не показывала, не желая разрушать счастье подруги. Но когда папа с тетей Зоей расстался, своего счастья мама упускать не стала... Однако мамина подруга долго моим родителям козни строила. Утомилась, когда замуж за дурачка-чиновника вышла, который ей вскоре подарил салон красоты с идиотским и посредственным названием "У Зочки". Салон и по сей день работает и тетя Зоя им все еще заправляет... А родители до сих пор безумно любят друг друга. Папа иногда говорит, что мама его приворожила.

— Так твои способности от матери?

— Нет, ты что, папа шутит так. Не привораживала мама отца, просто искренне любила. А мои способности как раз с папиной стороны, его матушка была известной в Литве ясновидящей. Толпы людей приходили к их дому. Собственно, это и была одной из причин, почему отец не хотел возвращаться в Прибалтику... Бабушку воочую я никогда не видела, лишь изредка беседовала с ней по телефону. Но папа говорил, что я очень на нее похожа: такие же золотистые волосы, небесное-голубые глаза, даже повадки и мимика... Папа очень переживал из-за такого сходства, а особенно заволновался тогда, когда у меня начали проявляться мои способности, и рассказал мне одну историю: другие представительницы прекрасного пола, жившие с бабушкой по соседству, ее просто ненавидели за такую красоту, и боялись за своих мужей — что уведет местная "ведьма" всех их мужиков. И как-то раз, одна такая ненормальная, раздобыв где-то кислоту, решила подпортить бабушкину красоту... Бабушка однажды мне сказала, что самое тяжелое для нас — это видеть свою судьбу, вот и она поздно предвидела то, что собиралась сделать ее соседка. Та успела плеснуть кислотой в бабушкино лицо, правда моя родственница сумела вовремя прикрыться и повернуться в профиль. Пострадала левая сторона, бабушка так до конца жизни и осталась слепой на один глаз, правда ясновидеть хуже от этого она не стала, да и кожа лица быстро восстановилась, несмотря на то, что тогда пластическая хирургия была на самом низком уровне... Сам понимаешь, слово "ведьма" закрепилось за ней еще больше, — Костя закивал в ответ, а я закончила. — Но бабушки уже лет шесть нет в живых. Страсти вокруг нашей фамилии поутихли, и родители, надумав встретить старость у моря, переехали в Литву. А мы с братом решили остаться.

— Да уж, интересная история у твоей семьи и фамилия у вас красивая и редкая.

— Это для России редкая, в Прибалтике она считается распространенной. Да и на самом деле моя фамилия должна склоняться, Варнас — это мужская версия, я должна быть Варнайте, мама, как замужняя женщина, Варнене. Но родители решили что необязательно придерживаться в России литовских традиции в образовании фамилий и проще если вся семья будет носить одну фамилию. Однако с именами папа таки взял вверх — они у нас литовские. Хотя у брата оно более русифицированное — Миколас — литовская версия имени Николай. Мама так хотела назвать сына — в честь своего отца. Вот и сошлись на Миколасе.

— Я, честно говоря, сначала подумал что твое имя — псевдоним. Часто же экстрасенсы их себе берут: необычные, звучные... Но когда узнал что ты сестра Миколаса Андриусовича, понял что тебе с таким именем и псевдоним не нужен.

— Это точно. — закивала я с усмешкой. — А ты что-нибудь знаешь про своих родителей?

Костя вдруг резко остановился, я тоже тормознула и посмотрела на своего провожатого: отстраненный взгляд, жилваки играют, а руки нервно вздрагивают в карманах. Он вдруг глубоко вздохнул и ответил:

— Мой папа убил мою мать. Его посадили, а через пару лет он покончил с собой в тюрьме.

От услышанного по моей спине пробежались ледяные мурашки, словно смерть только что прошла рядом, посмотрела, но передумала... Я ее чувствовала, а сейчас так явно ощутила все страдания этого бедного парня... Так вот почему он не хотел говорить мне про свою семью. Ему больно и почему-то стыдно и страшно.

— Поэтому ты пошел в полицию? — предположила я.

— Да, — с усмешкой ответил он. — Для человека страдающего аутизмом это заметный прогресс, ведь дяде говорили, что я в школе-то учиться не смогу. Не приспособлюсь. Но дядя был упертым и моей болезни замечать не хотел — растил меня как совершенно нормального ребенка. Школу я закончил с золотой медалью и с первого раза поступил в Академию. Вот тебе и детский аутизм.

Я удивленно посмотрела на Костю, хотя, теперь мне стала понятна причина такого отстраненного поведения капитана. Все это, всего навсего, следствие болезни.

— Врачи иногда ошибаются. — желая поддержать, заявила я. — Да и любовь и забота близких способна творить чудеса.

— В чудеса я не верю. — покачал головой Костя.

Тут мы наконец дошли до конечной точки нашего общего маршрута, перед нами стоял панельный дом, первые этажи которого являлись не жилыми: сплошные салоны и магазины, среди которых был излюбленный мной магазинчик, в котором я давно числилась постоянным клиентом. И куда мне обязательно нужно сейчас зайти.

— Ты домой? — спросила я у Кости.

— Да, а ты?

— А я в магазин сначала, за успокоительным, — ответила я, кивая в нужную сторону. Костя, проследив за моим кивком, удивленно спросил:

— В Интим-Шоп?

Я нахмурилась, а потом повнимательней присмотрелась в указанную мной сторону и обнаружила, что, действительно, по соседству с продуктовым был Интим-салон, чья вывеска была хитро завуалирована и с первого взгляда не понятно, что именно за этой вывеской находится, а главное что там продается.

— О нет, я хоть давно живу одна, но такие товары мне пока не нужны, — хихикнула я. — Я в продуктовый, тот что рядом.

Костя хихикнул в ответ:

— А то я уж начал недоумевать что за успокоительное ты имела в виду.

— Винцо, Константин, винцо. Вот мое самое лучшее успокоительное.

Костя нахмурился, достал из кармана телефон и бегло посмотрев на загоревшийся экран, подметил:

— Без пяти одиннадцать.

— Ничего, в этом магазине мне алкоголь продадут в любое время, — ответила я, а потом опомнилась. — Только не вздумайте устроить на них рейд, иначе я останусь без

своего полусладкого лекарства.

— Это не в моей прерогативе. Я в основном по маньякам и убийцам, — усмехнулся он. — Ладно, пока. Спокойной ночи.

— Надеюсь, и тебе, — ответила я и Костя, махнув мне рукой, свернул на лево. А я поднялась по ступенькам и зашла в магазин. Совершенно спокойно и без лишних вопросов купила там свой стандартный набор: красное вино, плитку шоколада и пачку сигарет. Обменялась парой фразочек с улыбчивой продавщицей и поспешила домой, чтоб как можно скорее принять свою спасительную вечернюю дозу.

Зайдя в квартиру, я первым делом бережно пристроила в углу свою сумку. Захлопнув дверь и не включая света, я развязала вслепую кеды и бросила их под вешалку, на которую тут же водрузила жилетку. А затем, прихватив сумку, мое предвкушающее тело начало медленно и аккуратно пробираться по коридору в сторону комнаты. Однако это мне не помогло и я таки задела ногой одну из пустых бутылок, после чего услышала череду характерных звуков... Н-да, надо бы все таки избавиться от пустой тары, которой скопилось уже прилично. А сегодня станет еще на одну бутылку больше. Прижимая сумочку к груди, и решив что с завтрашнего дня я начну освобождать свою квартиру от излишек стеклопроизводства, я протопала дальше. Подобные обещания я даю себе почти каждый день, поэтому уже не особо себе и верю, но надеяться продолжаю... Зашла в комнату и сразу же направилась к окну, у которого стоял мой любимый стол. Дотопав до стола, я плюхнулась на стул и принялась выгружать содержимое своей объемной сумки. Первой я достала бутылку вина, потом плиточку молочного шоколада, а затем стеклянный шар. Последнее я поставила на подоконник в специальную подставку.

— Все колдуешь, Елка? — услышала я и дернувшись от испуга, обернулась, хотя уже знала кого именно увижу. Ведь Елкой меня называл один единственный человек. Которого я не видела вот уже два года... Два года, которые сейчас мне вдруг показались не такими уж и страшными. Да, первые полгода, после нашего расставания, мне было больно и обидно, местами даже не сладко. Но потом я попривыкла. Взяла себя в руки, и нашла полезное применение своему дару. А в личной жизни... А в личной я научилась с легкостью расставаться с левыми людьми, случайно заглянувшими в мою судьбу... И сейчас, уставившись в свете уличных фонарей на этого наглого и смазливового субъекта, я вдруг почувствовала странный прилив нежности. Словно я встретила не с бросившим меня любовником, а со старым добрым другом.

— Батюшки! Кого я вижу, а точнее — слышу, Захар Александрович, собственной персоной!

— Он самый, — отозвался незванный гость. — Может включишь свет?

— Чего-то как-то не хочется..

— Чего тебе не хочется? Видеть мою рожу?

— И это тоже... — фыркнула я, а потом серьезным тоном добавила. — На самом деле я просто привыкла к темноте, и снаружи и внутри.

— Значит, я все таки прав, и ты продолжаешь приколдовывать, причем массово, раз уж таскаешь с собой вон тот магический шар. — последние два слова он произнес с заметным ехидством.

— Что ты... Магический! Не смейся... Просто люди, не разбирающиеся в том, как именно работают такие как мы, считают что подобная стереотипная атрибутика нам просто необходима. А мне не составляет никакого труда, для усиления эффекта, поводить руками

над шарообразной стекляшкой, купленной мной по дешевке в ближайшем переходе, — хохотнула я и полезла в сумку за сигаретами. Достав пачку и зажигалку, я распаковала сигареты, вытаскила зубами одну и прикурила, при этом закидывая сумку в противоположный угол комнаты. — Лучше скажи мне, Захарка, как ты оказался в моей квартире?

— Ну, Елка, не только ты обладаешь особенным даром...

— Ах, ну да, как я могла забыть про твои фантастические способности... ловкость волшебных рук и никакого мошенничества, — я фыркнула и тут же вспомнив, спросила. — Кстати, ты ж вроде должен быть сейчас в местах не столь отдаленных? И вроде как за мошенничество?

— Только что оттуда. — кивнул он. — Однако сидел я по другой статье. Благодаря наигранным за столько лет связям мне изменили статью, и я отделался всего лишь годиком и семью месяцами. — усмехнулся Захар, и я тут же усмехнулась ответ, прекрасно понимая что он имеет в виду под словом "наигранным". Человек, заявившийся ко мне сейчас без приглашения, один из самых лучших карточных шулеров в городе. Руки у Захарки реально волшебные.

— И по какой статье ты чалился? — поинтересовалась я, стряхивая пепел в цветочный горшок с фикусом на подоконнике. Судя по тому, как бурно растет и зеленеет этот фикус — сигаретный пепел для него самое лучшее удобрение... Ну, или же заглядывавший ко мне периодически брат, втайне от меня спасает бедное растение. Любит он цветы, так, что бизнес у него как раз цветочный.

— Фи, Елка, откуда такие слова в твоём интеллигентом лексиконе? Я сидел по 171 статье, пункт 2.

— Я как-то не особо сильна в статьях уголовного кодекса...

— Незаконные организация и проведение азартных игр. — Я нахмурилась. Этого я не знала, Микас мне не рассказывал. Хотя он тогда активно следил за судьбой Захарки, даже, пожалуй, больше, чем я. — И, кстати, очень зря что ты не сильна в нашем Кодексе, ведь из-за своей массовой деятельности с применением этого шарика, ты сама его нарушаешь.

— Не нарушаю, — ответила я ехидно. — Я активно сотрудничаю с полицией.

— Во как! Братец подсобил?

— Братец. Только он сам уже как год не трудится в органах, ушел в бизнес. В нашей семье, оказывается, у каждого свой уникальный дар. У брата, вот, предпринимательский.

— Я всегда считал что Микасу в полиции не место. — кивнул Захар. Я пожала плечами, затушила бычок в землю все того же фикуса и, нащупав на столе штопор, принялась откупоривать бутылку. Раздался мой любимый "чпок" и мои руки зашарили по скатерти в поиске стакана.

— Какой нынче праздник? — со смешком поинтересовался Захар.

— Каждый день, как праздник. Их в году ровно триста шестьдесят два.

— Ну, судя по пустой стеклянной тарелке, выставленной в коридоре, ты, действительно, отмечаешь все.

— О, ты заметил мою небольшую коллекцию?

— Небольшую? Да у приемщиков стеклотары бутылей меньше за день собирается...

— Не гунди, Захарка. Стресс у меня — работа тяжелая. Без аморфного расслабления алкоголем никак, — ответила я, наливая вино в стакан. — Иначе я бы давно с катушек съехала...

— Не бережешь ты себя, — фыркнул он

— Берегу. Поэтому и пью, — кивнула я. — Будешь?

— Нет, спасибо.

— Не хочешь, как хочешь, — пожала я плечами и залпом осушила половину налитого. — Ты ко мне какими судьбами?

— Мне нужна твоя помощь... — начал он, а я от удивления икнула и тут же проглотила вторую половину стакана. — Пропал один человек, с которым у меня были кое-какие важные дела, и мне очень нужно его найти.

— Из меня плохой поисковик, тем более — среди живых людей. — призналась я честно.

— Я в курсе что ты специализируешься в основном на мертвых душах, но мне просто больше не к кому обратиться. В полицию бесполезно — человек с Украины, жил в нашей стране нелегально. Родственников в незалежной его судьба не интересует, подавать в розыск они не собираются. Других экстрасенсов я не знаю, а человека обязательно нужно найти. Желательно, конечно, живого... Попробуй, а, Елка? — вполне искренне попросил Захар. — У меня есть фото и... личная вещь.

— Что мне за это будет?

— Моя безграничная благодарность, — усмехнулся Захар. — Подкрепленная пару сотнями бумажек с Франклином.

— Бумажки-то настоящие? — усмехнулась я.

— Обижаешь! Самые что ни на есть настоящие, — усмехнулся в ответ Захар и полез в карман. Достав кошелек он извлек из него пару купюр и положил их на стол. Я взяла доллары и посмотрела их на свет — деньги реально были настоящие. Однако они мне не особо и нужны, я готова была помочь и бесплатно. Просто моей вредной особе захотелось немного помучить Захарку.

— Еще я могу наказать твоих обидчиков. — предложил он вдруг.

— У меня таких нет.

— Тогда обидчиков твоих близких...

— Спасибо, мы как-нибудь сами, — хохотнула я, возвращая гостю деньги. Захар удивленно на меня посмотрел, а я с ехидной улыбкой сказала. — Давай фото и личную вещь потеряшки.

Захар улыбнулся и, не став забирать у меня деньги, опять полез в карман. Теперь он достал оттуда кружевное нечто, которое некоторые называют трусиками, а потом и фотографию. Все это Захар протянул мне. Я с брезгливостью приняла протянутое. Трусички тут же бросила на стол и глянула на фото:

— Когда ты говорил про пропавшего человека, я подумала что это мужчина.

— А женщина что, не человек что ли?

Я фыркнула и вернулась взглядом к фотографии. В комнате было темно, но это не помешало мне рассмотреть импозантную девушку с ярко-рыжей шевелюрой и с боевым раскрасом на лице. Девушка сидела на высоком барном стуле, нагло демонстрируя окружающим длинные ноги, вульгарно выпячивая грудь в глубоком декольте и зазывно улыбаясь неестественно белоснежными зубами

— Какая интересная мадемуазель. — хихикнула я. — Такого легкого-легкого поведения.

— В смысле?

— В смысле — девушка проститутка.

— Это ты увидела при помощи своих экстрасенсорных способностей? — усмехнулся Захар.

— Это я увидела при помощи своего стопроцентного зрения, — усмехнулась я в ответ. — А еще я вижу, что ты считаешь меня дурой.

— Почему это?

— Потому это... С каких это пор у тебя появились какие-то важные дела с проститутками?

— Она, прежде всего, человек. А то, чем она зарабатывает себе на безбедную старость — не важно.

— Элитная? — спросила я.

— Что?

— Проститутка она элитная или так, на общественных началах?

— Официально она числится гоу-гоу танцовщицей в клубе "Папа Карло". Но для VIP клиентов все работающие там девушки и более проникновенный приват танцуют.

— Ясно. Имя у девушки есть?

— Белла.

Я закатила глаза:

— Настоящее, а не клубное.

— Балахно Антонина, то ли Алексеевна, то ли Андреевна...

— Отчество не обязательно. — усмехнулась я, еще раз посмотрев на фото. Тут я почувствовала жуткий, пронизывающий холод в пальцах... И он говорил лишь об одном — рыжеволосой Беллы-Тони точно нет в живых. Но рассказывать об этом Захару я не спешила. Очень уж интересно сначала узнать, что у него за дела с мадемуазелькой сей древней профессии.

— Попробую поискать твою Беллу, но не сегодня. Устала я, честно... У меня действительно был трудный день. — сказала я, откладывая в сторону фото и пододвигая поближе бутылку с красненьким. Налив жидкость, цвета бордо, в уже опустевший стакан, я мысленно пожелала незнакомой мне Белле Царствия Небесного, и опрокинула стаканчик.

— И чем ты сегодня таким занималась? — подал голос бывший... Бывший, хм, надо же, даже это слово не вызывает у меня отторжения. Скорее, всю ту же странную нежность, как буд-то я говорю про бывшего одноклассника. А не про козла, испортившего мне жизнь. Хотя... Не такой уж Захарка и козел. Кто знает, как бы все сложилось, не угоди он тогда в тюрьму.

— Несла Государственную службу — помогала бывшему начальнику Микаса...

— Очень интересно. А как ты им помогаешь?

— Провожу сеансы, что-то вроде спиритических. При помощи личной вещи жертвы, которую держал в руках убивец, переношусь в тело последнего за несколько минут до убийства... И, прикинь, мы сегодня опазнали одного маньячику — он возомнил себя Божьим помощником, посланным освободить агненские души из грешных тел, и убивал женщин портными ножницами, а потом выкраивал этим же предметом их тела, как заправский кутюрье... Наверно хотел сшить сценический костюм для Леди Гаги. — хихикнула я. Захар, уставившись на меня, покачал головой:

— Елка, ты ненормальная.

— Конечно ненормальная. — кивнула я не задумываясь. — У меня и справка есть.

— Какая справка? — не понял Захар.

— Такая, — фыркнула я, налила еще вина и глотнув, принялась рассказывать. — Тебя когда посадили, меня чего-то переклинило. Я заперлась в этой квартире, предварительно купив половину товара в алкомаркете, и начала тщедушно заспиртовывать свое тело... Да чего-то переборщила, еще бы, имея такое крепленное изобилие в своей квартире... Ну так вот, сижу я на полу, допиваю очередную бутылку, а тут — они... — Я остановилась, глотнула еще вина.

— Кто они?

— Души... Этот дом — еще советской постройки, знаешь сколько здесь смертей было, естественных и противоестественных... Ну так вот, решили они почему-то ко мне все разом прийти и на перебой помощи просить... А мне так хреново было, я вежливо попросила их уйти, а они ни в какую, как я их только не просила. И тогда мне пришлось отбиваться подручными средствами: я швыряла в них все, что только под руку попадалось, не приняв во внимание что им, безтелесным, это не по чем... Зато соседям это не понравилось и они вызвали наряд. Те приехали и, блин, тоже не одни — со своими погибшими боевыми товарищами... Тут меня накрыло конкретно, я на них начала кидаться, угодив одному из живых лейтенантов в глаз... Менты меня скрутили, в охалку взяли и в отделение повезли... А там, — я опять замолчала, выпивая очередную порцию полусладкого. — А там я ни с того ни с с его вещать предсказания стала: кто премию получит, у кого сын родиться... кто умрет сегодня на высокой скорости... Хрен знает, с чего это я... Обычно на предсказания я долго настраиваюсь и колода бабушкиных карт мне в помощь нужна... А здесь... — Захар слушал меня внимательно, периодически кивая. — Утром меня Микас вызволил, по шапке настучал и домой доставил. А дома заставил прибраться и самолично от алко-продукции избавился... Однако, самое интересное началось вечером. Заявился ко мне один из ментов, которому я накануне в глаз дала. Прошел на кухню, достал из кителя бутылку коньяка пятилетнего, и сев на табурет, поведал, что он сегодня премию получил, утром у Феди сын родился, а этой ночью Игорь на машине разбился... Как тут не выпить, за помин души и за рождение нового человека? Задушевничали мы с ним на несколько часов, почти всю его премию пропили... А когда он ушел, меня опять накрывать стало... Души эти, неупокоенные... Бросать в них предметы я не стала, и решила просто выбежать из дома... В одном нижнем белье. Металась по улицам, отбрыкиваясь от прозрачных прохожих, пока на "товарища 03" не нарвалась... Доктора быстро смекнули, что я не в себе и в специфическую больничку меня подбросили. Три дня меня там лекарствами пичкали, пока брат меня не нашел, я ж без документов была, а медики, посчитав меня невменяемой, расспрашивать ни о чем не стали... Не знаю как именно, но Микасу удалось уговорить заведующего меня через пару дней выписать, однако что-то типо "белого билета" у меня теперь имеется... Так что, Захарка, я официально ненормальная.

Мой слушатель криво усмехнулся, кивнул головой на бутылку вина, вновь оказавшуюся у меня в руках, и даже как-то заботливо спросил:

— Ну и зачем ты продолжаешь пить?

— Да я так уже не перебарщиваю. Нашла свою расслабляющую, но не уносящую в дебри, терапевтическую дозу... И пью в надежде — может мне свою судьбу наконец предвидеть удастся?

— Зачем?

— Чтоб знать... — удивленно ответила я. — Вот тебе не хочется знать, что с тобой будет?

— Честно? Не хочется. Тогда жить будет не интересно.

— Однако ты явился ко мне для того чтобы узнать судьбу этой Беллы...

— На ее судьбу мне, по сути, начхать. — перебил он меня. — Мне ее найти нужно.

Поговорить и отпустить с миром, дальше творить свою судьбу.

— Ну-ну, вот только разговор тебе нужен явно для того, чтоб свою судьбу подправить...

Ведь так?

— Тааак, начались философские мысли, разжиженные градусами... — сказал Захар, хлопая себя по коленям. — Я могу остаться у тебя до утра?

Сей вопрос вызвал во мне негодование. Но продемонстрировать это я не стала.

— Ради бога! Вторая комната в полном твоём распоряжении, — кивнула я. Гость поднялся с места и направился к выходу. — Правда, я там не убиралась пару месяцев.

— Ничего. Все лучше, чем на нарах, — ответил он, вдруг остановился у двери и обернувшись, с улыбкой сказал. — Если ночью вдруг кто явится за помощью — буди. Будем отбиваться вместе. — и тут же поспешил в соседнюю комнату.

— Грешно смеяться над больными людьми. — крикнула я ему вдогонку. Захар ничего не ответил, а я разлила остатки вина и вышла в коридор, чтобы торжественно пополнить пустой бутылкой свою коллекцию.

Утром выдалось хмурым. И в эмоциональном и в погодном смысле этого слова. Я поднялась с кровати и обнаружила что спала в пижаме. Ага, значит вчера я все таки дошла до душа. А то обычно я плюхаюсь спать голышом, оставив водные процедуры на утро. А вчера вот решила намыться... Неужели из-за присутствия в соседней комнате Захара? Я, что это, надеялась что он ко мне заглянет? Прислушавшись к своим эмоциям, я с ужасом вспомнила — да, надеялась... Хорошо что он оказался разумней меня и делать этого не стал... Кстати, а он все еще здесь?

Выйдя из комнаты я аккуратно заглянула в соседнюю — и кровать и сама комната были пусты. Закрыв дверь, я пошла искать вчерашнего гостя дальше. В ванной и в туалете Захара не было и, судя по абсолютнейшей тишине на кухне, Захарка и там отсутствует. Но я все равно зашла на кухню. И сразу же увидела записку, оставленную бывшим на холодильнике: "будут новости — звони" и далее десятизначный номер телефона. Взяв записку, я уселась на табурет и пристально уставилась в рукописный текст... Хмурость за окном надавила на меня с удвоенной силой: у меня затрясся подбородок, а глаза уже приготовились плакать... Стоять, зорька! Нечего сырость разводите! Ну пришел, ушел... Он же вернется. Я ему нужна. Пусть, возможно, и не так, как раньше, но нужна же. Хотя... Кому ты на фиг нужна?

Я решительно встала с места и вернулась в комнату, быстро стянула с себя пижаму и одела джинсы и серый свитшот с улыбочивой Мини Маус на груди... Такие вот мимимишные штотки мне дарит Микас. Он как-то все не может принять то, что его младшая сестричка уже выросла. И у нее появились взрослые и вредные привычки... Хотя, Микас не по наслышке знает о моей полудсладкой страсти... Вот кстати за ней и надо прогуляться.

Аккуратно обойдя вереницу стеклотары, я дошла до вешалки и нагнулась, чтоб обуть кеды. Выпрямляясь я невольно поймала свое отражение в зеркале... А ничего так, вполне себе симпатичная, молодая девушка. И Мини Маус на груди вполне себе миленько смотрится... Собрав волосы в высокий хвост и подмигнув отражению, я ни с того ни с с его захотела сделать нечто необычное — достала с полки над зеркалом косметичку и легко и ловко, словно я делаю это каждый день, нанесла на лицо легкий макияж, подчеркивающий цвет моих глаз. А потом схватила жилетку и покинула свою квартиру.

До магазина дошла быстро. Так же быстро поднялась по ступенькам, схватилась за ручку, открывая дверь и вдруг... Меня словно током прошибло, и я зачем-то замерла на месте при этом уставившись на дверь соседнего специфического магазина. И здесь эта самая дверь начала открываться и я увидела... Костю. Я поступила странно — тут же нырнула в продуктовый, закрыла за собой дверь и, стараясь остаться незамеченной, осторожно выглянула в прозрачную дверь. Капитан Смирнов в этот момент произвольно оглядывался, стоя между магазинами. Потом он перекинул черный матовый пакет из правой руки в левую и не спеша спустился по ступенькам. Еще раз оглядевшись, Костя зашагал в сторону своего дома. Что именно меня сподвигло не показываться ему на глаза, я так и не поняла. Да и в посещениях, пусках и интиме, но все таки магазина, молодым человеком нет ничего страшного и зазорного. Может Костя вчера просто не захотел мне признаваться что у него есть девушка. А может... А может, он вообще, латентный представитель меньшинства, не зря ж он мне проболтался что женщины его предавали. А быть открытым геем, работая в полиции, да еще в убойном отделе, самоубийственно. Для карьеры в том числе... В конце-концов, меня его сексуальные предпочтения не касаются.

Пребывая в подобных раздумьях, я даже забыла зачем именно пришла в магазин. Пройдя мимо отдела с пиво-винами, я затаварилась в бакалеи и в овощном. И только выйдя на улицу вспомнила, что главное я так и не купила. Но возвращаться не стала. Вина мне почему-то расхотелось.

Дома на меня вдруг нашло еще кое-что более странное и неожиданное. Высыпав продукты на стол кухни, я вернулась в коридор с пакетами и принялась собирать пустые бутылки. Двух пакетов оказалось мало. Я пошарила по полкам, нашла еще пару авосек и продолжила складировать в них тару. За этим занятием меня и застал Миколас.

— Глазам своим не верю! — услышала я довольный голос брата, появившегося в моей квартире при помощи своей связки ключей.

— И тебе здрасти. — сморщив нос, ответила я.

— Сегодня наверняка пойдет снег с градом, ведь ты наконец-то решила избавиться от своей уникальной и интернациональной коллекции.

— Чего язвись? — пробубнила я обиженно. — Лучше бы помог.

— О нет, Йоля, сама выноси эти гремящие пакеты и пусть тебе будет стыдно перед соседями. — усмехнулся братец.

— Это когда это мне было перед ними стыдно? — усмехнулась я в ответ.

Микас нахмурился, а потом со смешком произнес:

— Точно. Извини, сморозил глупость.

— Зачем пожаловали? — демонстративно наклоняясь вроде бы как для реверанса, а на самом деле за очередной бутылкой, поинтересовалась я.

— Узнать как ты жива-здорова.

— Как видишь — жива, и вроде бы здорова. — ответила я и вдруг ощутила обидный укол в области сердца. Нахмурившись, я косо посмотрела на брата, понимая что он врет, истинная причина его визита в другом. Микас знал о такой моей особенности и сейчас по моему взгляду прекрасно понял, что ложь я почувствовала.

— У меня две новости. И я, признаться даже и не знаю, какая из них хуже. — сказал братец.

— Говори... — продолжая хмуриться, не очень-то ласково попросила я. Микас глубоко вздохнул и ответил

— Первая новость: Захар на днях освобожден.

— Это я знаю. — не стала я его обманывать.

— Наведался уже, что ли? — показушно возмутился Миколаас.

— Заходил, вчера.

— Поэтому ты решила избавиться от стекло-хлама? — ехидно спросил он и присмотревшись ко мне воскликнул. — И, мать Божья, Йоланта, ты накружилась?!

Я скорчила постную мину и тихо ответила:

— Стекло-хлам он видел.

— Ты его в квартиру пустила? — вот тут брат возмутился по-настоящему.

— Миколаас Андриусович, не смейте лезть в мою личную жизнь! — возмутилась я в ответ. — Какая вторая новость?

Брат поиграл жилваками, но понимая что спорить со мной бесполезно, спокойно заговорил:

— В городе новый маньяк завелся. Он в темное время суток носилует и жестоко убивает женщин. Сегодня это дело передали Семенычу, так как у него лучшая раскрываемость подобных дел, так что думаю сегодня-завтра тебя опять в отдел пригласят... — Я тяжело вздохнула уже превкусая что меня ожидает. А Микас вдруг схватил меня за руку, и глядя в глаза тихо сказал. — Говорят этот маньяк предпочитает блондинок... Йоль, очень тебя прошу, будь осторожна. И не шляйся затемно в одиночку. Если что, звони мне, встречу.

— Хорошо. — согласилась я.

Брат все таки помог мне вынести бутылки в уличную мусорку. Потом мы с ним затеяли в моей квартире небольшую уборку: я носилась с тряпкой, вытирая многомесяцовую пыль, а Микас спокойно прогуливался по жилым метрам с пылесосом. Окончание уборки мы отметили совместным приготовлением пицци. И когда сели за стол отведать творение рук наших, где-то в недрах моей квартиры зазвонил телефон. Я прошла в комнату, отыскала брошенную вчера в угол сумку, и достала из нее мобильник. Посмотрев на экран, я крикнула Микасу:

— Ты как в воду глядел! Твой майор звонит.

Через час я уже была в кабинете Александра Семеновича. Он сидел в своем кресле напротив меня, а между нами на столе лежала стопка фотографий.

— Александр Семенович, я все понимаю, но я не работаю без личной вещи жертвы...

— Нет пока у нас ничьих личных вещей, только бумаги передали... — перебил он меня. — Случай тяжелый, убийца — реальный чистоплюй, никаких следов: ни пальцев, ни ДНК... Все тела кристально вымыты. И женщин он носилует при помощи... инородных тел... — подобрал майор нужные слова. — У нас даже личности половины жертв не установлены. А их уже шесть за два месяца: за первый двое и четверо за второй... Прогрессию понимаешь?

— Понимаю, — кивнула я с усмешкой. — За следующий должно быть шесть.

— Не шути так, Лана, — пригрозил он мне пальцем, а потом ласково попросил. — Ты хоть попробуй, вдруг что увидишь, почувствуешь? Любая мелочь важна.

— Ладно, — согласилась я и придвинула к себе фотографии. Разложив их перед собой, первое на что я обратила внимание, так это то, что Микас был прав, все жертвы маньяка — длинноволосые блондинки. А еще от них от всех шел леденящий холод, но то что женщины мертвы, я итак знала, а так же видела. Ведь все эти фото были сделаны в момент обнаружения тел. Посмертно... Жуткие кадры. Жуткие лица... Я передернулась и, стараясь

абстрагироваться, решила брать фото по одной и внимательно разглядывать каждую... И вдруг, на четвертой по порядку фотографии, я увидела явно знакомое лицо. Лицо-то было знакомым, но кому оно принадлежит вспомнить я не могла.

— Кто это? — показывая фото майору, спросила я.

— Как раз одна из тех жертв, чья личность не установлена... — ответил Александр Семенович. — А что? Ты что-то почувствовала?

— Нет, просто лицо знакомое. — опять приглядываясь к изображению, ответила я. А майор открыл одну из папок, лежащих на столе, и принялся нервно листать страницы.

— Так, эта девушка — первая жертва, была найдена два месяца назад, в пригороде, близ села Мальвинки. — зачитал он написанное. — На жертве были одеты черные чулки в крупную сетку, туфли на высоком каблуке, верхняя деталь нижнего белья, красного цвета...

— Два месяца назад у нас был февраль... — заметила я. Майор по инерции кивнул, а потом спросил:

— И что?

— Чулки... Холодно в таких чулках в такое время года... — ответила я и тут меня осенило. Я бросила фотографию на стол и полезла в сумку. За другой фотографией. Которую мне вчера дал Захар и которую я на всякий случай прихватила с собой. Положив фото Беллы рядом с фото погибшей девушки, и сравнив их лица, я заметила идентичное сходство. Только цвет волос отличался... Но девушкам свойственно менять цвет своих причесок.

Майор тоже склонился над этими фотографиями:

— Это она же? — спросил он.

— Да, — ответила я и тут же поделилась имеющийся у меня информацией. — Балахно Антонина. То ли Алексеевна, то ли Андреевна. Гражданка Украины. Под псевдонимом Белла трудилась танцовщицей в клубе "Папа Карло". Так же оказывала там и более интимные услуги.

— Проститутка?

— Вроде как.

— Вот, а ты говоришь что без личной вещи помочь не сможешь.

— Это случайность. Просто меня на днях попросили попробовать найти эту девушку, — показывая пальцем на фото еще рыжей Беллы, ответила я.

— Кто просил?

— Не могу сказать.

Александр Семенович нахмурился, но настаивать не стал. А я продолжила изучать другие фото. Пятая фотография мне тоже ни о чем не сказала. А вот на шестой карточке я с удивлением обнаружила женщину, да, именно женщину, на всех предыдущих фотографиях были запечатлены девушки, а тут — взрослая женщина. Да, ухоженная, да моложавая, но точно значительно старше остальных.

— Как-то она сюда не вписывается. — произнесла я. Майор глянул на фото и опять принялся листать папку с документами.

— А эта, кстати, последняя жертва. Найдена сегодня утром у мусорного контейнера рядом с салоном красоты. Карпович Зоя Владимировна...

— Что? — удивилась я, чувствуя обжигающий холодок в пальцах рук.

— Тоже знакомая?

— Не моя. — Положив фото к остальным, ответила я. — Старая знакомая родителей. Она училась вместе с мамой... Кстати, по слухам, бывшая валютная проститутка.

— Знаешь, а ведь это и объединяет всех жертв. — задумчиво произнес Александр Семенович. — Судя по описаниям неизвестных и по данным на установленных — все они дамы легкого поведения... Вот! — стукнув по столу рукой, возбужденно воскликнул майор. — Вот и зацепка, которая может привести нас к убийце.

Ответить на эту реплику я ничего не успела, в дверь постучали. Майор крикнул "заходите" и тут же в кабинете появился капитан Смирнов.

— Вызывали? — спросил он.

— Где ты ходишь? — возмущенно спросил Александр Семенович у Кости.

— У меня сегодня выходной. — виновато ответил он.

— А у нас новое дело. Из соседнего района передали. Принимай. — сказал майор, протягивая капитану папку.

— Так точно. — кивнул Костя, забирая документы. — Разрешите идти изучать?

— Сначала разрешу тебе проводить Йоланту Андриусовну до дома.

— Слушаюсь. — кивнул Костя и бросил на меня мимолетный и очень странный взгляд. Немного оценивающий, смущенный и даже слегка восхищающийся. Я, забирая со стола принесенную с собой фотографию, поднялась с места и шагнула к двери.

— Лана, — ласково позвал меня майор. Я обернулась. — Спасибо тебе.

Я лишь кивнула в ответ.

Когда мы вышли на улицу, там уже начало темнеть, но не из-за времени, а из-за сгущающихся темных туч. Неужели Микас и здесь оказался прав и у нас град со снегом намечается?

— Ты же знаешь, что там за новое дело? — спросил меня капитан. Я кивнула. — В двух словах не расскажешь?

В два слова я, конечно же, не уложились. Рассказала Смирнову все что знала про дело, раз он все равно это в бумагах прочтет, и сообщила про опознанную мной мадемуазель Беллу. А еще упомянула про последнюю жертву.

— Надо же, — в конце добавила я, — Как бывает. Только вчера про нее вспоминала и нате вам — женщину убили.

— Может ты просто почувствовала что с ней что-то случится или же... Хотела этого? — предположил Костя.

— Как такое можно хотеть? — удивилась я. — Женщину жестоко убили, а перед этим не менее жестоко отымели чем-то инородным...

Мы свернули на тропинку, ведущую через сквер к нашим домам, и капитан Смирнов вдруг спросил:

— Почему они это делают?

— Кто и что? — не поняла я.

— Маньяки. Почему они убивают?

— Откуда ж я знаю...

— Ну ты же была в телах некоторых из них... Что они чувствуют?

Я задумалась. Посмотрела по сторонам, чувствуя как на меня накатывают посторонние эмоции.

— Возбуждение. — ответила я. — Причем — у всех оно разное и от разного. Вот Портного, например, возбуждала мысль что он всемогущ и подобен Богу... Кого-то возбуждает сопротивление, чем больше жертва сопротивляется, тем больше возбуждается душегубец... Кого-то возбуждает мысль что убивая того или иного человека он делает этот

мир чище и лучше...

— Но... Есть же какие-то причины? Что людей сподвигло на это?

— Знаешь, я думаю, что все таки это болезнь... Это же не нормально лишать жизни себеподобного. Даже хищные животные друг друга не убивают. Я еще могу понять убийство в состоянии аффекта или из-за самообороны, но когда человек сознательно идет убивать — он просто болен... А еще, знаешь, я где-то читала, что все маньяки, хоть этого жутко и боятся, но подсознательно хотят быть пойманными.

— Почему?

— Некоторые желают таким образом, как бы это странно не звучало, прославиться, а некоторые хотят чтобы их остановили...

Тут задумался идущий рядом капитан, привычно сунул руки в карманы и отрешенно посмотрел вперед.

— Ты права, есть такое. — заговорил он. — Судя по допросам, на которых я присутствовал, большинство как раз желают прославиться. Показать всем свое превосходство. Они часто требовали журналистов, и на допросы и на следственные эксперименты... — Костя резко опустил глаза и смотря себе под ноги тихо поинтересовался:

— А как ты думаешь, если это болезнь, то она лечится?

— Наверно если только пожизненным заточением в психушке, — хохотнула я. — Ты не у того спрашиваешь, Кость, во первых, я не сильна в психиатрии, а во вторых — я сама не совсем здоровый человек, у меня и карточка в психдиспансере имеется.

— Я в курсе, — спокойно кивнул Костя. Я удивленно на него посмотрела, а он, так и не отрывая глаз от своих ботинок, пояснил. — Я читал твое личное дело.

— А где ты его взял?

— В кабинете Александра Семеновича.

— А, то есть и он в курсе... — фыркнула я.

— Весь отдел в курсе. — ответил капитан задумчиво. — Они считают тебя ненормальной. Но безусловно полезной.

— Ты тоже считаешь меня ненормальной? — поинтересовалась я

— Нормальность — это понятие относительное. — глубоко вздохнув, философски подметил Константин.

Тут мы дошли до панельного дома с магазинами. Костя вдруг затормозил и посмотрев на вывески, спросил:

— За лекарством пойдешь?

Я тоже посмотрела в сторону магазинов, вдруг понимая что в продуктовый заходить мне не надо. Не надо и все.

— Неа, сегодня я не болею. — хихикнула я и покосилась на моего провожатого... Мне очень хотелось спросить у капитана, что он делал утром в Интим-магазине, но лезть в чужую личную жизнь не хотелось больше. И я решила никаких вопросов не задавать... Ну, хотя бы пока.

Обойдя дом, мы пошли дальше, ведь сегодня капитан Смирнов провожал меня до самого подъезда. Сказал что это — личный приказ начальства. Мы дошли до козырька и здесь грянул гром, сопровождающийся яркой вспышкой молнии. Костя вдруг нахмурился и болезненно потер виски.

— Голова? — спросила я. Капитан кивнул. — Сходил бы ты все таки к доктору.

— Сейчас будет некогда, меня сегодня даже с заслуженного выходного вызвали. —

ответил он и посмотрел на небо, начал накрапывать мелкий дождь. — Ладно, пойду я. Спокойной ночи, Йоланта. — он впервые на мою память назвал меня по имени. Да еще как-то по особенному, с такой теплотой и нежностью. Я улыбнулась в ответ и зачем-то хлопала капитана по плечу. Он резко дернулся, отступил от меня спиной и махнув ручкой побежал в сторону своей работы. Наверно, спешил как можно быстрее изучить новое дело.

Я зашла в подъезд и начала подниматься по ступенькам, ведущим к лифтам. Наступив на предпоследнюю, я замерла на месте... Так как почувствовала, что справа, со стороны пожарной лестницы, кто-то стоит. И смотрит. На меня. Я приготовилась пугаться, но тут уловила знакомые вибрации эмоций и... запах: терпкий, немного сладковатый, наполненный ароматными нотками поистине мужских гармонов... Этот запах, почему-то такой особенный для меня, я узнаю из тысячи.

— Кончай прятаться, Захар. — громко сказала я. И человек, чью личность я безошибочно определила, не спеша подошел ко мне.

— Ты всегда меня узнаешь, — заметил он. — По запаху что ли?

— По нему, родимому. — усмехнулась я, поднявшись на последнюю ступеньку и надавив на кнопку лифта. На мой призыв тут же открылся маленький лифт и мы с Захаром по очереди в него зашли. Нажав на кнопку нужного этажа, я повернулась к Захару лицом. Кабинка была маленькая, мы стояли очень близко, Захар возвышался надо мной на полголовы и пристально меня разглядывал. Я внезапно почувствовала жаркий прилив к щекам, ощущая такой забытый мной приступ стеснения.

— Ты очень красивая сегодня... — тихо произнес Захар, неожиданно касаясь пальцами моей руки.

— Сегодня? — убирая руку в карман жилетки, под предлогом якобы изъятия из него ключей, спросила я. — А вчера была не очень?

— Вчера ты не позволила мне себя разглядеть...

— У меня в последнее время, особенно после сеансов, появилась гиперчувствительность глаз к ярким источникам искусственного света. — попыталась я оправдаться. Лифт остановился, двери открылись и мы вышли на площадку нужного этажа.

— А сегодня ты сеансов не проводила? — поинтересовался Захар. Я замотала головой, открывая ключами дверь. — А будешь?

Я мысленно хмыкнула. Что ж, зато теперь ясно в чем дело и к чему этот комплимент, Захарке просто не терпится узнать про свою Беллу. И теперь мне будет вдвойне приятней его расстроить.

Ничего не ответив, я распахнула дверь своего жилища, делая Захару приглашающий жест войти первым. Что он и сделал: зашел, разулся и направился в комнату. Я проделала тоже самое, а зайдя в комнату и включив свет, обнаружила на столе задатки романтического ужина: две бутылки вина, судя по всему шампанское, корзина с фруктами и даже букет бардовых тюльпанов... Так вот почему мне не хотелось заходить сегодня в магазин, моя эстрасенсорная натура уже знала, что вино стоит дома и ждет меня. Правда натура не учла что к вину прилагается еще и незванный собутыльник.

— Как мило, — фыркнула я. — Это все для меня? — Захар кивнул, подошел к столу. Взял ближайшую бутылку и принялся снимать фольгу с горлышка. Я сложила руки на груди. — А с чего это вдруг?

— Посидим, пообщаемся по душам.

— Вот только по душам не надо, — покачала я головой с усмешкой. — Мне и без твоей

души душ хватает.

Захар хмыкнул:

— Елка, ты чего колючая такая?

Эта его фраза почему-то всегда была для меня отрезвляющей, я тут же выключала режим "злюки" и начинала улыбаться. Не знаю почему. Как-то так устойчиво сложилось еще несколько лет назад: как бы мы не ссорились, как бы я на него не злилась, стоило Захарке задать такой вопрос, как меня тут же отпускало... Вот и сейчас я на автопилоте расплылась в улыбке. Как когда-то.

— Вино, кстати, литовское, даже не вино, а игристый напиток... Бокалы у тебя есть? Или будем пить из стаканов? — поинтересовался Захар, откручивая проволоку с пробки, но до конца открутить ее Захар не успел — пробка неожиданно выстрелила, отлетев к окну. Я усмехнулась и молча шагнула к буфетной секции своего шкафа. Достала со стеклянной полки два бокала для шампанского. Подошла к столу и поставила изящные емкости перед Захаром. Он тут же разлил шипучее вино и подал мне один из бокалов.

— Присаживайся, — сказал Захар по-хозяйски и я сразу же плюхнулась на стул. Мой новоиспеченный собутыльник присел рядом. — Давай, за нас. — предложил он, приподнимая свой бокал.

— Вместе или по отдельности? — с усмешкой спросила я

— А как бы тебе хотелось?

Я покачала головой и отпила глоток. Захар тоже отпил, при этом нагло усмехаясь.

Далее минут десять мы сидели молча и так же молча выпивали. При этом неотрывно и даже почти не моргая разглядывая друг друга. Я без стеснения водила взглядом по его лицу, с каждой секундой еще больше признавалась самой себе, что Захар был красивым. Хотя употребление такого слова в адрес мужчины мне всегда казалось не уместным. Мужчина должен быть брутальным, харизматичным, немного нагловатым и желательно невозмутимым... И, чего греха таить, все это можно сказать про Захара. Прибавьте к этому действительно приятные черты лица: в меру пухлые губы, чуть вздернутый курносый нос, очерченные скулы и серо-зеленые глаза с искрящим в зрачках огоньком азарта. Вот этот огонек и подкупал больше всего. Во всяком случае — меня. Всегда.

— Есть у меня новости по поводу твоей гоу-гоущицы, — разрывая тишину, произнесла я и отвернулась к окну, не в силах больше играть в эти гляделки.

— Ты ее нашла? — без особого интереса спросил Захарка.

— Не я. — качнула я головой, — Честно говоря, кто именно нашел твою Беллу, я не досужилась узнать. Однако знаю примерное время, место и обстоятельства: девушку нашли два месяца назад, недалеко от села Мальвинки... Убитую и изнасилованную.

Захар цокнул языком:

— Что ж, очень жаль. Тонька была веселой и талантливой.

— Талантливой? — нахмурилась я, припоминая вид заработка этой медемуазельки.

— Да. Танцевала она весьма недурственно. — с усмешкой ответил Захар.

— А, ну да, — кивнула я. — До сегодняшнего дня тело девушки было не опознанным. И я, признаться тоже не с первого взгляда узнала в трупе твою Беллу, девушка изволила перекрасить свои волосы. Смерть она встречала блондинкой.

— Наверно — ей шло, — кивнул в ответ Захар.

— Я опознала Беллу и рассказала майору все что про нее знаю.

— Ну и правильно, — согласился Захарка. — Кто убил девушку еще не известно?

— Нет, — замотала я головой, полезла в карман и достав оттуда сигареты, закурила. — Убийство Беллы — дело рук серийного маньяка, на счету которого уже шесть жертв... Не стоило твоей танцовщице перекрашиваться, злодей, как истинный джентельмен, предпочитает блондинок.

Захар вдруг настороженно нахмурился:

— Тогда и ты в группе риска?

— Наш маньяк джентельмен не на все сто, все убитые им блондинки дамы такого же легкого поведения, как и Белла. И она, кстати, была у него первой. В смысле — жертвой.

— Не повезло... — закивал головой Захар. Потом покосился на наши уже пустые бокалы, взял бутылку со стола и разлил еще.

— Я смотрю, ты не очень-то и расстроен случившимся с девушкой, — заметила я, а Захар равнодушно пожал плечами. Я крепко зягнулась, выпустила дым густым клубом и тихо спросила:

— Может все таки расскажешь зачем ты искал Беллу?

Захар с сомнением на меня посмотрел, глубоко вздохнул и глотнув игристого винца, сказал:

— Ладно, Елка, признаюсь тебе кое в чем, а то ты напридумываешь себе не Бог весть что, фантазия у тебя бурная, — он хохотнул и продолжил. — Я никогда не скрывал от тебя чем я зарабатывал на жизнь, но... Я не просто богатеньких дядечек в карты обувал, я еще пользовался среди себеподобных неким авторитетом, и посему держал местный шулерской общаг...

— О как, — воскликнула я.

— Именно так. — кивнул он. — Я знал тогда что меня собираются закрыть, твой брат, между прочим, подсказал. Не безвозмездно, разумеется, он попросил, когда я сяду, оставить тебя в покое, не писать, не звонить... И дать тебе время меня забыть. Я согласился, понимая, что так будет лучше. Для тебя... В общем, у меня было время чтобы подсуетиться: я поднял связи, начал искать выходы и лазейки, чтоб скостить срок... Нашел. И перед арестом на всякий случай перестраховался и перепрятал общаг, как мне казалось, в надежное место. Отлеживая бока на нарах я начал планировать свое будущее, решив больше не иметь ничего общего с прошлой жизнью и начать новую. Много таких дум приходит к временно заключенным, но не все завязывают. У меня же были и возможность и страховка. По возвращению я должен был передать деньги выбранному остальными преемнику. Но там где я их оставил — их не оказалось. И тут я вспомнил про Тоньку. Она была, скажем так, случайным свидетелем... Каюсь, я тогда, перед отсидкой, ударился во все тяжкие и согрешил с ней не в том месте.

— Сочувствую, что запланированное не удалось, — с ехидным выражением лица, произнесла я. — Ведь согрешившая с тобой Белла навсегда унесла тайну местонахождения общаковских денег с собой в могилу.

— А вот и нет, — усмехнулся Захар, а я досадливо нахмурилась, — У Беллы была вторая съемная хата для встреч с постоянными клиентами, один из таких клиентов и сдал мне ее местоположение. Хорошо что девушка оказалась дальновидной и внесла предоплату за квартиру на несколько месяцев вперед. Там она деньги и прятала. И деньги сегодня я нашел, правда не все... Но оставшуюся сумму я в состоянии добавить сам... Накопил за столько лет,

— Захар Александрович, ты же реально фартовый чувак, — с ноткой восхищения сказала я, а Захар тут же три раза сплюнул через левое плечо и постучал по столу. А я,

загушив сигарету, с любопытством поинтересовалась. — Только я вот одного не понимаю — раз ты уже получил все, что хотел, то зачем сегодня появился ко мне?

— Я не все еще получил, что хотел. — ответил он придвигаясь со стулом ко мне поближе. — Я не получил тебя. — мои глаза сначала округлились до, наверно, неестественных размеров, а потом сурово нахмурились, не веря словам бывшего. — Я обещал твоему брату не беспокоить тебя, пока я в тюрьме. Мне же ничего не мешало после освобождения заглянуть к тебе по дружески в гости, да еще и с просьбой, и узнать как ты устроила свою жизнь. И вчера я заметил, что не очень-то ты ее и устроила. Без меня. И... Я тебя обманул, Елка, вчера я тебя все таки разглядел, пока ты спала... Такая милая, хорошая. Родная. Не знаю как там складываются твои взаимоотношения с мертвыми душами, но моя, живая, к тебе опять потянулась... И только я об этом подумал, стоя над спящей тобой, как ты вдруг позвала меня во сне по имени... Я наверно снился тебе в эротическом сне?

— Да скорее в похмельном бреде... — смущенно пробубнила я, пытаюсь вспомнить что именно мне сегодня снилось. Но не вспомнила.

— Вот что ты за дерево такое, а, Йоланта Варнас? Я тут пытаюсь тебе в своих чувствах признаться...

— В каких чувствах?

— В любовных.

Я истерично хохотнула и сделала большой глоток вина. Но напиток неожиданно пошел у меня не в то горло, и я вдруг закашлялась. Захар заботливо похлопал меня по спине, а когда я откашлялась взял и прижал мое тело к своей груди. Я хотела было отстраниться, но тут снова услышала этот запах. Запах тела этого мужчины, перемешанный с наивкуснейшим запахом одеколона... Как же меня манит и притягивает этот аромат. И я, сама не понимая как и зачем, коснулась пальцами открытой части шеи Захара, погладила по коже, и глубоко вдохнула, насыщаясь его запахом, как живительном влагой в засушливом климате... Захар понял мои действия на свой манер — тут же играючи поймал мои губы и начал их целовать. Сначала нежно, медленно, потом ускоряясь, чуть грубее и ненасытней. Но самое интересное то, что я ему отвечала. В точности повторяя все его действия и движения... В комнате становилось душно и тогда в ход пошли руки. Его и мои. Которые принялись без сопротивления раздевать тела друг друга. Вещи летали по комнате в разные стороны и, когда мы с Захаром наконец остались совершенно нагими, и он начал покрывать жаркими поцелуями мое тело, я почувствовала легкое прохладное дуновение... Посмотрев в сторону окна, я увидела почти прозрачный силуэт пожилой светловолосой женщины... У окна стояла моя бабушка и увидев, что я ее заметила, она довольно улыбнулась и прошептала на литовском "Tai likimas", тут же испарилась.

— Это судьба... — перевела я вслух ее слова.

— Что? — оторвавшись от моей груди, переспросил Захар.

— Tai likimas, Захар... Это судьба, — прошептала я. — A tave myliu....

— A tave myliu, Елка... — сказал он в ответ по литовски и вполне искренне. — И безумно počiu...

Утро пришло внезапно... Казалось бы — вот только что мы наслаждались друг другом, получая поистине незабываемое удовольствие, как вдруг... Утро. Солнечное, яркое. Но совсем не званное... А еще названным оказался некто, кто настойчиво звонил в мою дверь.

Я вылезла из-под руки притворяющегося спящим Захара, накинула халат и застегивая его на ходу, направилась в коридор. Не глядя в глазок, открыла входную дверь и увидела перед

собой капитана Смирнова.

— Доброе утро, — смущенно поздоровался он с улыбкой, а я, зевнув, лишь кивнула в ответ. — Прошу прощения за столь ранний визит, но... — тут Костя истумленно замер на месте, уставившись мне за спину. Я обернулась и увидела причину истумленности капитана — Захара, выходящего из моей спальни в одних трусах.

— Здравствуйте, — поздаровался он и остановившись на секунду, внимательно оглядел Костю с головы до ног, а потом проследовал в ванную. Капитан проводил его взглядом и когда Захар скрылся с наших глаз за дверью ванной комнаты, безэмоционально заговорил:

— Извини, еще раз, за беспокойство, но твой телефон недоступен, и Александр Семенович попросил до тебя прогуляться...

— Что-то случилось?

— Доставили вещдоки по убийствам, и моему начальнику не терпится тебя увидеть и услышать что увидишь ты.

— Хорошо, — кивнула я. — Сейчас быстро перекушу, собираюсь и приду тогда.

Костя кивнул в ответ, странно покосился в сторону ванны и молча развернувшись, удалился. Я захлопнула за ним дверь и прошла на кухню. Включив чайник, я посмотрела во двор — капитан Смирнов как раз покидали мой подъезд. Он вышел, огляделся по сторонам и сунув руки в карманы, неоперативно последовал к начальнику.

— Это тот самый мент, которому ты зарядила в глаз, а потом вы вместе пропили его премию? — уж очень тихо появившись на кухне и уж очень напряженно поинтересовался Захар.

— Нет, тот мент уже давно живет в Питере. Послушался моего совета, вызвавшись ехать туда в командировку. И сейчас безумно счастлив в браке. Мы иногда общаемся в одной из соцсетей.

— А этот тогда кто? — присаживаясь за стол, спросил Захар

— А этот — капитан Смирнов, трудится сейчас в убийном отделе под руководством бывшего начальника Микаса.

— Чего-то он уж больно молод для капитана. — заметил вдруг Захарка.

— Почему молод? Ему тридцать лет.

— Выглядит моложе, как твой ровесник.... И вообще, странный какой-то тип... Он явно к тебе не равнодушен. Так ревностно на меня посмотрел.

— Ты ошибаешься, он... — начала я, но Захар меня перебил:

— Поверь мне, нет. Один самец всегда чувствует, когда другой покушается на его самку...

— Так это что это — я твоя самка? — возмущаясь аналогии, спросила я. Захар кивнул. — Ладно, — надула я губки, — Тогда имей в виду — если я увижу поблизости с нашим прайдом других самок, независимо, собираются они покушаться на моего самца или нет, зверски разорву в клочья.

— Тебя потом замучают их души. — хохотнул в ответ "самец".

— Ничего. Перед этим я успею замучить твою. — ответила я. А Захар, соглашаясь, с улыбкой кивнул.

Собиралась я дольше, чем планировала. На Захарку так бурно подействовал Костя, что мне пришлось доказывать ему, самым интимным способом, что только он один мне нужен. Но когда мы все таки оделись и позавтракали, я сразу же поспешила на встречу с ожидающими меня Александром Семеновичем и вещдоками, не забыв прихватить

стеклянный шар. Захар выказал желание проводить меня до отделения.

Мы покинули мою квартиру. Зашли в вызванный лифт и ехали в нем, обжимаясь и целуясь, как вчерашние школьники. А выйдя на первом этаже и спускаясь по ступенькам, я вдруг бросила взгляд на почтовые ящики. Резко посмурнела, почувствовав что-то, остановилась и уставилась на металлический ряд с одиковыми дверцами, собенно меня интересовал ящик, цифры которого совпадали с номером моей квартиры... Там точно что-то лежало. И это что-то мне почему-то эмоционально не нравилось.

— Подожди... — остановила я Захара, который шел впереди и уже стоял у двери подъезда. Он меня послушался и обернулся. — В моем почтовом ящике что-то лежит... И меня это немного пугает.

— Давай ключи. — сказал Захар, возвращаясь ко мне. Я молча протянула ему связку и он тут же подошел к нужному ящику. Осторожно вставил и повернул ключ, а потом не менее осторожно открыл узкую дверцу. Ничего страшного не произошло и тогда Захар, встав на цыпочки, заглянул в ящик.

— Елка, тут фотография лежит. Палароидная. — произнес он. Я с удивлением посмотрела на Захара, он в этот момент полез рукой в ящик и достал оттуда небольшую фотокарточку, действительно сделанную при помощи модного когда-то Палароида. Захар продемонстрировал мне найденное, повернув фото лицевой стороной. на фотографии были запечатлены три улыбающихся человека: мужчина с аккуратно подстриженной бородой, молодая красивая женщина с длинными белокурыми волосами, и с "стоящей" челкой, и мальчишка лет пяти с красным трактором на коленях. Все трое сидели на диване на фоне поистине советской атрибутики — пестрого ковра. Я невольно потянула руки и Захар тут же отдал мне фотоснимок. И только коснувшись его пальцами, мое сознание покинуло мое тело и перенеслось на много лет назад...

Он несколько часов слонялся из угла в угол, уже несколько раз измерив шагами всю свою квартиру... И с каждым его движением, с каждым его порывистым шагом, злость и гнев закипали в нем все сильнее и сильнее...

Тварь! Тварь неблагодарная! Опять шляется где-то. А на часах три часа ночи... Бестыжая! Постыдилась бы!!!! Убью! Вот только приди...

Мужчина остановился у входной двери и прислушался. Из общего коридора доносился знакомый стук каблуков, один стучал звонче другого. Жена еще неделю назад жаловалась на отлетевшую набойку... А у него... А у него нет сейчас денег даже чтоб за квартиру заплатить... Какие тут набойки?

Мужчина выглянул в глазок и облегченно выдохнул — явилась наконец...

Дверь резко открылась и она неуверенным, слегка покачивающимся шагом переступила порог. Увидев мужа, демонстративно нагло улыбнулась, неуклюже поправляя короткий подол джинсовой юбки. Мужчина внимательно осмотрел жену: длинный кожаный пиджак с широкими плечами неправильно застегнут на пуговицы, отчего выглядел перекошенным. Под пиджаком виднелась белая блуза с цветастым розовым узором. Начесанные волосы растрепаны, в ушах огромные пластмассовые серьги, ярко розового цвета... Такого же цвета следы на щеках и подбородке жены, от размазанной помады. Тушь тоже была размазана под глазами, словно она недавно плакала... Однако довольный и пьяный вид женщины говорил об обратном... Мужчина опустил взгляд ниже, на так недавно старательно варенную женой джинсу юбки, и тут заметил — блестящие колготки, подаренные им на восьмое марта, были порваны в нескольких местах.

— Ты где шлялась?! — возмущенно спросил он.

— Где надо... — икнув ответила она, полезла в сумку, висевшую у нее на плече и достав оттуда деньги швырнула мужу в лицо фиолетовые бумажки. — Вот, деньги зарабатывала! Ты ж не можешь!

— Как ты зарабатывала?

— А ты догадайся. — усмехнулась она, сжала левую ладонь в кулак, а на правой выпрямила указательный палец и сделала им несколько вульгарных, проникающих в сжатый кулак движений.

— Сука! — рявкнул мужчина так, что женщина дернулась.

— А ты импотент! — усмехнулась она в ответ, делая шаг вперед. Мужчина тут же схватил жену на волосы и нагнул, женщина не устояла на ногах и рухнула перед мужем на колени. — Да-да, импотент! Да еще к тому же — нищий! Где твои хваленые миллионы, а, работник гребанного НИИ? — не унималась она. А мужчина разозлившись еще сильнее резко выставил вперед коленку и ударил ею женщину в нос. Она завизжала, а на вытянутой коленной части старых штанов тут же заалели пятна крови. Мужчина уставился на них, при этом продолжая держать жену за волосы. Не было у него никакой жалости к этой опустившейся женщине... Она — уже не она. Не его жена, а дешовая шалава... Как он так не рассмотрел ее когда-то? Она ж всегда велась на бабло! Деньги-деньги — вот что ей нужно! И ради них она готова на все.

Даже предать свою семью: мужа, сына... Сына... Боже! Бедный мальчик не заслуживает такой матери!

— И это все на что ты способен? — истерически засмеявшись, спросила женщина, вытерая руками свою кровь. — Слабак...

Тут всепоглащающая ярость волной накрыла сознание мужчины. Он схватил с полки над вешалкой тяжелый кубок, торжественно врученный ему пять лет назад в Институте, и вкладывая всю свою силу и злость, ударил им жену по голове... Вот так! Тоже мне, слабак! Получай! Тварь... Бестыжая! Жадная шалашовка!.. Он все бил и бил, еще и еще, напрочь потеряв над собой контроль и уже туго соображая что он делает. Не видя ничего перед собой... Не видя то кровавое месиво, в которое превратилась голова женщины...

— Папа, — раздался тоненький голосок сзади. Мужчина обернулся, продолжая держать окрававленный кубок в руках. — Ты что делаешь?

— Наказываю шалаву... Таких, сынок, надо наказывать... Наказывать... — как в бреду ответил он...

Придя в себя, я поняла что сижу на ступеньке в своем подъезде, рядом сидит Захар и держит меня за руки.

— Фух, Елка, слава богу... — увидев что я открыла глаза, сказал Захар. — Что, душа на связь вышла?

Я потеряно огляделась и здесь заметила фотографию несчастной семьи, лежащую у меня в ногах.

— Ага, а еще показала как ее убили. — ответила я, кивая на фото.

— Женщину?

— Да, причем убил ее муж, а сын все это видел.

— Бедный мальчик. Теперь, небось, у него травма на всю жизнь... — покачал он головой. — Что, думаешь фотографию кто-то нарочно положил?

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Позже с этим разберемся. А сейчас меня ждет

майор...

Александр Семенович как обычно сидел в своем кресле. Встретивший меня у кабинета начальника капитан Смирнов устроился на кожанном диване, а я на стуле, напротив майора. Между нами на столе стоял стеклянный шар, который почему-то вызывал у Александра Семеновича неподдельный восторг. Он с любопытством всматривался в шар, наверно всерьез веря, что он магический, а не бутофорский.

— Где личные вещи? — спросила я.

Майор кивнул Косте, тот поднялся и достал откуда-то сзади коробку. Поставил ее на стол, рядом со мной.

— Чью вещь тебе лучше дать? — поинтересовался капитан.

— Наверно лучше первой жертвы. — ответила я. — Посмотрим с чего все начиналось.

Костя кивнул и полез в коробку:

— Серьги, цепочка, браслет. — сказал он, рассматривая содержимое небольшого пакетика.

— На вряд ли убийца трогал серьги, — подал голос майор. — Дай Йоланте и цепочку и браслет. К чему-то из этого убийца мог прикоснуться.

Капитан Смирнов кивнул и высыпал из пакетика на стол украшения: золотую цепочку с резным крестиком и, тоже золотой, штампованный браслет. Сначала я взяла в руки цепочку. Закрыла глаза, пытаюсь настроиться, но... Цепочки рука маньяка, скорее всего, не касалась. Ее я отложила в сторону, взяла браслет... И тут..

Громкий звук проезжающего поезда...

Вспышка...

И боль. Нарастающая... Сначала терпимо, потом сильнее... Еще сильнее... Импульсивно... Хватаюсь руками за голову... Как больно... Как невыносимо больно! Нет больше сил терпеть... Нет сил... За что? Опять.

А еще — холодно, очень холодно... Коснувшись плеча, почувствовал покрытую мурашками кожу... Удивился. Опустил лицо... Так я же голый! Как? Почему? Оглядываюсь... Где я?... У папы... Папочки. Родной мой, хороший...

Снова звук поезда, и снова — вспышка...

Боль отпускает. Обратнопорционально... Как хорошо. Лучше... Мне лучше...

Все-все, я здесь. Я готов... Я иду моя хорошая... Ты же меня ждешь?

— Ждешь?

Делаю шаг, один-другой. Вижу слева яркий свет... Дождалась. Пришел я... Захожу... Вот она, на полу сидит. Пристегнутая наручниками к батарее. Обнаженная, в одних чулках в крупную сетку... Увидела меня, дернулась всем телом и вжалась под окно... Боится. Правильно делает. Всхлипывает. А сказать не может — черный гладкий шарик кляпа на ремнях, застегнутых на затылке, не позволяет... Вот и всхлипывает... Так жалобно.

— Извини. Задержался.

Подхожу. Одним рывком вытаскиваю девушку из под окна и бросаю себе под ноги. Она не сопротивляется. Лишь пытается свободной рукой прикрыть лицо... А я любуюсь этой картинкой. Я, мужчина, сверху, она, грязная сучка, валяется в моих ногах и умоляюще смотрит... Да, порой взгляд красноречивей слов...

Присаживаюсь рядом на корточки и беру ее за подбородок... Красивая какая. Блондинка... Как похожа... Как она на нее похожа! Перебираю пальцами длинные локоны. Гладкие. Шелковистые... Снова беру за лицо, хочу посмотреть в глаза. Дергается, сучка...

Сжимаю подбородок сильнее. Еще сильнее... Стонет. Ох как стонет... Так... Зазывно. Рассматриваю ее внимательно — чистая, загорелая кожа, пышная грудь с яркими ореолами сосков, изящная талия, упругие ягодицы... Хороша, паршивка. Могла бы сделать кого-то очень-очень счастливым... Но сучка решила иначе — выбрала себе другую, грязную и низменную судьбу. Что ж, таков ее выбор. У каждого — свой... Я свой тоже сделал...

Встаю с корточек, подхожу к стене. На полке лежит один интересный девайс. Секс-девайс, ярко-розового цвета.

— Нравится? — спрашиваю я у девушки, опять приближаясь, и демонстрирую игрушку для взлослых, размахивая упругим силиконовым перед ее лицом. Она качает головой. — Обманываешь... Сколько таких вот, но только настоящих, ты видела? Трогала? Ощущала в себе? Готов поспорить, что много... — опять качает головой. — Не ври... Делая мужчинам хорошо ты брала после этого деньги... Как можно брать деньги за любовь?... Хотя, у кого я спрашиваю... У дешевой шалавы. И дешевой не из-за твоей цены, а из-за твоего же обесценивания вечных ценностей... Тварь! — рявкую я и даю блондинке пощечину. Сильную, на лице остается красный след... — Ты это заслужила. И я только начал... Буду тебя наказывать. Таких надо наказывать, — усмехаюсь я. Опять отхожу к полке, беру стек — длинный хлыст с кисточкой на конце, из нарезанных кусочков ткани, похожей на кожу. Стек рукояткой приятно лег в руку, а увидев его, глаза девушки наполнились страхом... Возвращаюсь, смакуя ее страх, и тут же замахиваясь, ударяю кожаным хлыстом обнаженное женское тело: грудь, живот, ляшки... Она пытается увернуться, но тщетно, я всегда попадаю точно туда, куда собираюсь... И наблюдая за тем как содрагается тело я... Нет, не возбуждаюсь. Возмущаюсь... Головой понимаю, что все происходящее мне нравится... А вот тело никак не реагирует. Кипящая кровь просто не приливает к особенному, мужскому органу... Возмущаюсь и злюсь еще сильнее. И бью, бью сучку стеклом... Шикарная вещь — бьет сильно, но следов не оставляет. Наказать! Изнасиловать! А потом отнести сучку в душ, чтобы смыть водой хотя бы визуальную грязь...

Открывая глаза, я тут же потеряла виски. Головную боль злодея я ощущала очень явно. А так же его злость. На самого себя.

— Нормально себя чувствуешь? — спросил Александр Семенович. — Ты вся бледная...

— Нормально. Сейчас попустит. — кивнула я. — Все слышали?

— Да, — кивнул в ответ майор. — Получается — мы нарвались на маньяка-импотента?

И женщин он носилует этими, девайсами, так как сам не может.

— Получается так, — кивнула я и оглядевшись, заметила что в кабинете мы одни.

— А где капитан Смирнов? — спросила я.

— Ему стало не хорошо и он попросился выйти... Слабенькие нынче пошли капитаны. — хохотнул майор. — А вот ты молодец, Лана... Появилась зацепка — дом, как я понял — у железной дороги. Описать сможешь?

— На вряд ли это поможет. Я видела его только изнутри.

— Может тогда — еще попробуешь? — заискивающе предложил он. — С вещью другой жертвы?

Я прислушалась к себе. Мне очень хотелось в очередной раз помочь майору, но два таких тяжелых видения за один день — это моя планка. Больше не выдержу.

— Александр Семенович, давайте завтра... Сегодня итак уже слишком много эмоций для моей неустойчивой психики. — сказала я. Майор печально вздохнул, взял со стола свой телефон.

— Тогда я позвоню Смирному, чтоб он тебя проводил... — Александр Семенович прижал трубку к уху и прождал так несколько секунд. — Чего-то трубку не берет...

— Ну и ладно, — отмахнулась я. — Что я, сама до дома не дотопаю?

Покинув отделение в гордом одиночестве, я направилась все таки не домой, а в сторону парка. Прогуливаясь вдоль оживленной дороги, я почувствовала такую угнетающую тоску... Мне сейчас очень хотелось увидеться с Захаром. Прижаться к нему, обнимать, целовать, шептать по литовски признания в своей любви и желании... А потом закрыться в спальне на несколько дней и с лихвой восполнить наш пробел за эти два года. Он меня любит, я знаю. Ведь бабушка никогда не ошибалась. Судьба — значит судьба...

Но номера Захара в моем телефоне не было. Я вообще не помню куда дела та записку, оставленную мне Захаром на холодильнике... Так что, судьба, но не сейчас. Мы увидимся вечером, Захар обещал.

Второй, про кого я подумала, был Миколас. Заботливый старший брат... Странно, но я на него совсем не злилась. Даже понимала. Он беспокоился за меня, вот и предложил Захару такую сделку. И поступил правильно. Разумно. И на вряд ли теперь будет препятствовать нашим отношениям. Он и раньше не особо и препятствовал.

Я улыбнулась, глядя на солнечное небо и тут же достала телефон из сумки. Набрала брата. Трубку он снял почти сразу:

— Привет, Йолька.

— Привет, ты где?

— Еду со встречи. А ты?

— Иду в сторону нашего парка. Не хочешь присоединиться и немного прогуляться?

— Буду через пять минут. Я как раз поблизости.

— Тогда жду тебя у главного входа.

Мы распрощались и я ускорила шаг, чтобы оказаться у входа раньше Микаса. Только я замерла у большой клумбы рядом с воротами, как увидела желтую BMW — яркую и запоминающуюся машину брата. Сам Миколас называл свое средство передвижения "немецкой красавицей". И был прав — его немка была именно такой.

Микас припарковался у обочины и не спеша вышел из автомобиля. Я шагнула ему на встречу и мы, как в детстве взявшись за руки, пошли в парк. Прогулявшись по аллее, я заметила уютно стоящую лавочку в тени ивы. Потянула к ней брата и вскоре мы уже сидели на лавке, мило болтая.

— Что у тебя нового? — спросил Микас, закончив рассказывать про свою бизнес-встречу.

— Новая старая любовь.

— Захар? — догадался брат. Я лишь жеманно пожала плечами. — Что ж, если после такого длительного расставания вы опять сошлись, значит это судьба. Я буду рад, если ты будешь счастлива.

— Спасибо, — ответила я, прижимаясь к плечу брата. — А еще я сегодня была у твоего бывшего начальника.

— По поводу нового маньяка? — уточнил брат, я кивнула. — Что-нибудь узнала?

— Как обычно. Внутренний мир маньяка. Посмотрела на происходящее его глазами, ощущая его эмоции и слыша мысли.

— И что?

— Он больной человек. И психически и физиологически... С явной застарелой

травмой... — ответила я задумчиво и полезла в свою сумку. Пошарив там руками, я нащупала палароидный снимок. Достала его и положила на колени.

— Что это? — спросил Микас.

— Семейное фото. Его мне подбросили в почтовый ящик. И когда я коснулась фотографии — у меня было видение.

— И что ты увидела?

— Как муж убил жену. Она, мягко говоря, ему изменяла, таким образом зарабатывая деньги... А мальчик был свидетелем убийства... — ответила я, продолжая пребывать в задумчивости. Все таки неспроста мне подбросили снимок — уж больно мысли маньяка-импотента совпадают со словами этого мужчины — "Таких нужно наказывать"...

Микас забрал у меня фото и внимательно на него посмотрел. Примерно минуту вглядывался в лица, а потом неожиданно спросил:

— А тебе мальчик никого не напоминает?

Я нахмурилась и тоже пригляделась к ребенку, изображенному на фотографии. Утром, торопясь на встречу с майором, я особо внимательно к нему не приглядывалась. А сейчас... Определенно, сходство имеется, несмотря на давнишность снимка.

— На Костю похож... — произнесла я тихо. Потом посмотрела на брата и тут вспомнила. — Слушай, а ведь он мне говорил что его папа убил мать... Именно "папа" — ласково, и именно "мать" — грубо... Правда не сказал, что он это видел.

— Кто ж захочет про такое рассказывать? — пожал плечами Микас и я, уж было собралась поведать брату про свою догадку, как в его кармане что-то противно запищало. Микас достал брелок с ключами от машины.

— Черт, Йолька, пойдём, там кто-то с моей машиной развлекается... — сказал он

— Я хочу еще здесь посидеть. А ты сходи, проверь, купи нам мороженого и возвращайся...

Сигнализация опять запищала и Микас, кивнув, поспешил проверить свою немецкую красавицу. А я еще раз посмотрела на фото... Неужели — он? Хотя... Головные боли, и маньяка и Костю они мучают. Три месяца назад капитан Смирнов получил травму, через месяц — первая жертва маньяка... И посещение Кости секс-шопа теперь становится понятным — злодей покупал себе предметы, похожие на тот, которым он сам пользоваться не может. И... тетя Зоя... Он ее... Из-за меня, что ли?

Отложив фото на лавку, я нервно полезла в сумку в поисках телефона. Надо позвонить майору, пусть проверят... Я набрала номер, услышала гудки и тут... что-то тяжелое обрушилось на мою многострадальную голову, отключая меня от действительности...

Звук проезжающего поезда... Еще один. И еще... Голова жутко раскалывается. Болит... Если я чувствую боль — значит я живая.

Открываю глаза и, не успев толком осмотреться, понимаю — я в доме. В том самом доме, где издевались над Беллой. Моя левая рука так же как у нее пристегнута к батарее, но я одета и без кляпа во рту... Медленно поворачиваю голову и вижу его.

Он стоит передо мной абсолютно голый. И совсем не стеснялся своего естества. Хотя смотреть там не на что — худое тело. Тело малохольного подростка, несмотря на высокий рост.

— Очнулась, Йоланта? — спросил он с улыбкой. — Как же мне нравится твое имя...

— У тебя тоже оно красивое, — как можно ласковей произнесла я. Ведь с такими надо разговаривать именно так. — Константин.

— Да, Константин, так называл меня папа, мать все: Костенька, Костюшка, Костик... Но папа меня любил, а эта женщина никого не любила... Вы вообще, умеете любить? — спросил он зло, нагнулся ко мне и начал рывками рвать на мне одежду. Я практически не сопротивлялась. Не хотела подогревать его азарт еще больше. Он оставил меня в одних трусах, отшагнул и, посмотрев с удовлетворением, заговорил:

— Ты красивая... И ты тоже похожа на нее... Я не хотел тебя обижать... Мне нравилось с тобой говорить... И, знаешь, ты была права — я действительно подсознательно хотел чтобы меня кто-нибудь остановил. Я решил что это должна быть именно ты... Ведь только ты смогла бы меня понять и прочувствовать, поэтому и фото своей семьи тебе в ящик бросил, чтобы увидела моего несчастного папу и сучку-мать... И женщину, ту что обманула твоего отца, тоже наказал... Я просто думал, что ты другая, похожая на меня. Но я ошибся... Ты такая же как и все... Шалава... Все женщины одинаковые!

— А с чего ты решил что я шалава? — осторожно спросила я.

— А тот мужчина, которого я видел в твоей квартире? Ты хочешь сказать, что не спала с ним?

— Спала, — не стала я врать. — Но потому что я люблю его.

— Любишь? Его? — удивился Костя. — А меня?

— И тебя я люблю. — с улыбкой ответила я.

— А как можно любить двоих одновременно? — сдвинув брови с непониманием спросил Смирнов.

— Можно. Просто, я люблю вас по-разному...

— Это как? — спросил он и вдруг истерично засмеялся, а потом схватился руками за голову. — Я люблю тебя, я хочу тебя... Я убью тебя... Да вот только, любить я не могу, это блажь, такие как я не способны любить. Хотеть тебя я тоже не могу — физиологически как мужчина я бесполезен.... А вот убить тебя я могу... Могу. — он опять схватился за голову и потер виски.

— Все началось с головных болей? — предположила я спокойным тоном. — После того сотрясения?

Костя посмотрел на меня. Прямо в глаза. Вот это взгляд! В нем была и всепоглощающая злость и душераздирающая боль. А еще, он смотрел на меня так, словно о чем-то просил. Мне бы вот только понять о чем. Успеть понять.

— Да, тому придурку стоит отдать должное — он мои мозги на место поставил. Да, боль порой невыносимая... Но зато потом так хорошо... — он фыркнул, шагнул к стене. — И тебе будет хорошо... Посмотри какую штучку я недавно приобрел. — Он повернулся, держа в руках огромный, черный дилдо. — О тебе думал... Я вообще много в последнее время о тебе думаю... Йоланта... И это меня просто выводит из себя! А может... Может ты меня приворожила?

— Я не умею. — замотала я головой.

— Человек порой сам не знает на что он способен... А ты уникальная... Как вас там называют, потомственная ведьма? А вот у меня потомков не будет... И у тебя, кстати, тоже...

Странно, но я его совсем не боялась. В этот момент я чувствовала лишь жалость к нему. И Костя это понимал, он видел что в моих глазах нет того страха и мольбы, как у других.

— Почему ты меня не боишься? — спросил он.

— Не знаю, — качнула я головой. — Наверно потому, что до сих пор не верю, что ты

можешь сделать со мной что-то плохое.

— Почему? — нахмурился он, присаживаясь рядом на колени.

— Ты же убивал тех женщин не просто так. Ты их наказывал. Они продавали свое тело и любовь. А я не такая, и ты это знаешь.

— Знаю, — кивнул он и в уголках его глаз заблестели слезы. — Но ты же понимаешь что я не смогу оставить тебя в живых. После всего...

— Понимаю, — согласилась я. Костя резко встал, неуклюже вытер пальцами глаза и шагнул к выходу.

— Костя, — как можно ласковой позвала я. Он обернулся. — Постарайся сделать так, чтобы мне было... Не больно.

В его глазах вновь выступили слезы. Капитан Смирнов нервно закивал и быстро вышел из комнаты. А я тут же попыталась высвободить руку, но, увы, тщетно. Все эти дилдо, кляпы и плетки, которых заметно прибавилось со времен первой жертвы, были сексшоповские, а вот наручники самые настоящие. Я плюнула в сердцах и огляделась. У входа стоял стол, на нем аккуратными стопочками лежала мукулатура: цветные журналы, газеты и письма...

И здесь я увидела ее. Она появилась из ниоткуда, на том самом месте, на котором совсем недавно стоял Костя. Она смотрела на меня внимательно прозрачными глазами, светлые локоны и белое одеяние неестественно замедленно развивались в воздухе.

— Привет, — с усмешкой бросила я. Душа удивилась:

— Ты меня видишь?

— И слышу, к сожалению, — фыркнула я. — Ты случайно не знаешь, где ключ от наручников? — Она указала пальцем на полку. — Н-да, далековато... Подать не сможешь? — девушка печально покачала головой. — Жаль...

Вдруг она начала размахивать руками, в комнате появился прохладный ветерок и помещение начало заполняться другими душами. И вскоре несколько полупрозрачных тел стояли передо мной. Все светловолосые, некогда красивые... Действительно, похожие на мать Кости. Я внимательно посмотрела на каждую, и заметила что одной не хватает. Тети Зои.

— А где шестая? — спросила я. Души переглянулись и все та же, первая которая явилась мне, ответила:

— А она умерла не здесь...

— Ты можешь нам помочь? — подала голос девушка, стоящая возле стола со стопкой журналов.

— Я? — хохотнула я, кивая на наручники. — Интересно чем?

— Освободи нас... Мы здесь заперты...

— И как я вас освобожу?

— Открой окно... Выпусти нас...

Я посмотрела на окно, большое, с грязными, в непонятных подетках, стеклами. Поднялась с пола и с легкостью открыла нижнюю ручку, но вот дотянуться до верхней мне мешали наручники. Повернувшись обратно к душам, я покачала головой:

— Не дотянусь...

— Черт! Мы навсегда останемся здесь! — рывкнула девушка, стоящая у стола, и импульсивно взмахнула рукой, задевая стопку журналов, которые тут же поднялись в воздух. Она и другие души удивленно посмотрели на парящие глянцевые страницы.

— Может, попробуешь так же с ключом, — предложила я с усмешкой. — Освободишь

меня и я освобожу вас

Девушка нахмурилась, потом плавно переместились к полке и взмахнула рукой, но ее безтелесная конечность прошла сквозь предметы.

— Разозлились, — посоветовала я. — Вспомни, как он издевался над тобой, как было больно и страшно... — душа протяжно застонала, ее лицо перекосилось от ужаса и она вновь взмахнула рукой... И ключ тут же упал на пол... Но тут в комнату вернулся Костя. Уже одетый в джинсы.

— Это что здесь происходит? — громко и грозно спросил он. Осмотрелся, заметил на полу разбросанные журналы. — Это ты сделала?

— Нет, не я, — замотала я головой, краем глаза подмечая как смотрят на своего мучителя загубленные души — с отервенением, злостью, ненавистью. Я усмехнулась и кивая в их сторону, ответила: — Они... — Костя нахмурился, обернулся, а девушки дружно и интенсивно замахали руками. Со столов и полок тут же полетели различные предметы, направленные в сторону душегубца. Он отмахивался, злился, не понимая и не видя, кто с ним так развлекается... А душа, сумевшая скинуть с полки ключ, наклонилась и продолжила пробовать переместить его ближе ко мне. У нее, хоть и медленно, но получалось.

В этот момент я услышала топот на улице, и, буквально через секунду, в дом ворвалась полиция во главе с моим братом. Опера в масках тут же скрутили все еще отмахивающегося Костю, а Миколас подбежал ко мне.

— Ты как? — спросил он и зачем-то начал меня щупать.

— Как, как... Отлично. Вы как раз во время, — ответила я, дергаясь от изучающих прикосновений по моему телу пары мужских рук. — Вы как меня нашли? А главное — как вышли на Смирнова?

— Как-как, — пробубнил Микас. — Я вернулся в парк, а тебя нет. Начал тебе звонить — ты трубку не снимаешь. Потом звонок сбросили и телефон отключился. У меня паника, предчувствие какое-то не хорошее. Смотрю на земле то семейное фото валяется. Я его прихватил и к Семенычу. Прихожу и пересказываю весь наш разговор. А фото это в кармане буд-то бы жжет... Я и спрашиваю, в курсе ли майор что его сотрудник пережил такую детскую травму и снимок сую. Семеныч рассматривает фото и вдруг заявляет, что убитая мать Смирнова один в один по типуажу, как все жертвы нового маньяка... Да и поведение в последнее время у капитана странное... Короче, два плюс два сложили... потом мой бывший начальник припомнил как ты во время последнего сеанса говорила что маньяк в доме папочки, а рядом поезда ходят... Вот менты и установили этот дом, принадлежащий отцу Смирнова.

— Ясно, — кивнула я и бросила взгляд в сторону согнутого попалам Кости, он, словно почувствовав что я на него смотрю, поднял голову. "Спасибо" — прочитала я в его взгляде. Тут опер, стоящий от Смирнова справа, ударил его под дых и задержанного потащили к выходу.

— Отстегни меня, рука затекла. — жалобно попросила я брата. — Ключ вон там, на полу. — добавила я, показывая рукой в нужном направлении. Микас увидел маленький металлический стержень, кивнул и шагнул к нему. Нагнулся, поднимая ключ, и выпрямившись, вдруг застыл на месте, с брезгливостью уставившись на дальний угол комнаты... в котором столпились неприязненные женские души. Брат точно смотрел на них, они на него... Я усмехнулась и позвала:

— Миколас! — он обернулся.. — Может все таки освободишь сестру?

Микас отрешенно закивал и вернулся ко мне. Сев на корточки, он растегнул ключом наручники, я с нескрываемым наслаждением потеряла запястье, а потом ехидно спросила:

— Что, братец, неприятная картинка, правда? — Микас непонимающе на меня посмотрел. — Ну, те полупрозрачные девушки, наименованием в пять штук.

Брат нахмурился и покосился в угол. Души смотрели на нас с явным любопытством, прижимаясь друг к другу.

— Открой окно, Микас. — попросила я ласково. Брат послушно поднялся, потянулся к верхней ручке и распахнул окно. Безтелесные девушки растеряно переглянулись и тут, какая-то невидимая сила потянула их, они как невесомые пушинки подлетели к открытому окну и выпорхнули наружу. Мы с Микасом проводили их взглядом, пока их и без того прозрачные тела не растворились в небе.

— Поздравляю, Миколас Андриусович, бабушкино наследие мимо вас тоже не прошло. — с улыбкой сказала я брату, обняв его за руку. — Теперь будем отбиваться от них семейным подрядом.

Старший Варнас посмотрел на меня укоризненно и тяжело так вздохнул. А потом, запоздало заметив что я стою практически голая, снял с себя куртку и укутал меня в нее. И мы, наконец, покинули страшный дом.

А на улице меня ждал сюрприз. В виде стоящего у машины брата Захара.

— Слава богу! — увидев меня, произнес Захар и бросился к нам. Подбежав ко мне, он начал покрывать поцелуями мое лицо. Микас тактично отошел в сторону. А Захар, закончив меня лыбызгать, тщательно осмотрел мое тело с головы до ног.

— Ну и вид у тебя, — заметил он и вдруг усмехнулся. Прижал меня к себе и зашептал на ушко. — Елка, ты такая... Притягательная. Будь сейчас другие обстоятельства я бы непременно воспользовался.

— Еще один маньячила по мою душу, — фыркнула я.

— Привыкай, Елка, — улыбнулся Захар. — Как ты там говорила ночью? Это судьба...

Больше книг на сайте - Knigolub.net